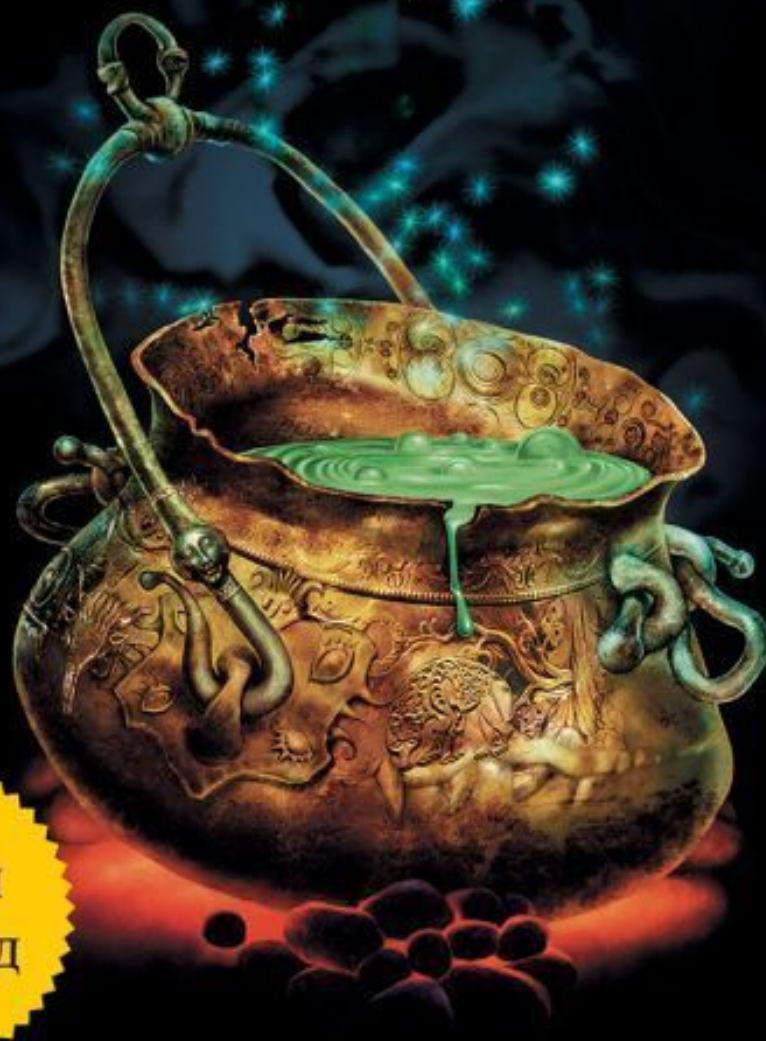

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ВЕЩИЕ СЕСТРИЧКИ

Wyrd Sisters

НОВЫЙ
ПЕРЕВОД

Плоский мир

Терри Пратчетт
Вещие сестрички

«ЭКСМО»

1988

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Пратчетт Т.

Вещие сестрички / Т. Пратчетт — «Эксмо», 1988 — (Плоский мир)

ISBN 978-5-04-110263-0

Если королевство в опасности, о нем позаботятся вещие сестрички. Пообщаться с духами? Вызвать демона? Встретить Смерть? Легко, когда в вашем распоряжении ведьмовство в лучших традициях Плоского мира. А еще – король-призрак, принц, назвавшийся актером... и настоящая магия. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-110263-0

© Пратчетт Т., 1988
© Эксмо, 1988

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Терри Пратчетт

Вещие сестрички

Terry Pratchett

Wyrd Sisters

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 1988

© Музыкантова Е. В., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

(С участием трех ведьм, а также королей, кинжалов, корон, бурь, гномов, котов, призраков, привидений, орангутангов, разбойников, демонов, лесов, наследников, шутов, пыток, троллей, сценических механизмов, всеобщей радости и суеты сует)

Ветер завывал. Молнии беспорядочно вонзались в землю, точно нож неопытного убийцы. Гром перекатывался туда-сюда по темным, исхлестанным дождем холмам.

Ночь была темна, как внутренности кошки. Говорят, в такие ночи боги играют людьми, двигая их, точно пешки, на шахматной доске судьбы. В сердцевине бушующей стихии, среди мокрых кустов дрока, словно безумный огонек в глазу хорька, вспыхнуло пламя и озарило три согбенные фигуры. Котел забурился, и жуткий потусторонний голос взвизгнул:

– Когда мы снова соберемся, все втроем?

Повисла пауза.

Наконец другой, куда более обыденный, ответил:

– Ну, я могу в следующий вторник.

* * *

Сквозь бездонные глубины пространства плывет звездная черепаха Великий А'Туин; на спине ее стоят четыре слона, что держат на своих плечах вес Плоского мира. Крохотные солнце и луна витают вокруг, времена года сменяют друг друга, но орбита настолько сложна, что слону приходится периодически поднимать ногу, чтобы пропустить солнце, – такого, пожалуй, во всей мультивселенной не сыщешь.

Почему так – возможно, навсегда останется загадкой. Наверное, однажды Творцу наскучило как обычно возиться с аксиальным наклоном, альбедо и скоростями вращения и он решил в кои веки раз немного повеселиться.

Можно было бы предположить, что боги подобного мира в шахматы не играют, и это действительно так. На самом деле никакие боги в них не играют – не хватает воображения. Боги предпочитают простые жестокие игры, где не достигаешь Превосходства, а падаешь прямиком в Забвение. Ключом для понимания всех религий является простая истина: в представлении богов развлечение неразрывно связано с такими малоприятными штуками, как Змеи и заботливо смазанные маслом Лестницы.

Ткань Плоского мира сцепляет магия – магия, которую производит вращение самого мироздания. Она вытягивается из базовой структуры точно нити шелка и латает раны, нанесенные реальностью.

В основном магия оседает в Овцепикских горах, что тянутся от ледяных земель у Пула по длинному архипелагу до самых теплых морей, которые бесконечно льют свои воды через Край прямо в космос.

Сырая магия, потрескивая, незримо перескакивает с пика на пик и поднимается из самых недр в горы. Именно Овцепики в основном снабжают мир волшебниками и ведьмами. Здесь листья на деревьях трепещут даже в безветрие, а скалы по вечерам отправляются погулять.

Иногда даже земля кажется живой...

* * *

А иногда живым кажется небо.

Шторм и правда разошелся не на шутку. То был его звездный час. Он годами болтался по провинциям, подрабатывая шквалом, набираясь опыта, заводя полезные связи и временами налетая на ничего не подозревающих пастухов или корчуя небольшие дубы. Ныне же прореха в погоде дала ему шанс проявить себя во всей красе, чем он и занимался в надежде, что его приметит один из крупных циклонов.

Шторм был хорош. Он продемонстрировал исключительные эффективность и страсть, и критики согласились, что если он еще и научится греметь как следует, то в ближайшие годы станет настоящим явлением.

Укутанные туманом леса бурно заплодировали, роняя с веток листья.

В такие ночи, как уже было сказано ранее, боги играют не в шахматы, а с судьбами смертных и тронами королей. Важно помнить, что боги всегда норовят сжульничать под самый конец...

А по неровному лесному тракту стремглав летела карета, подскакивая на выступающих из земли корнях деревьев. Кучер гнал коня, и отчаянные щелчки кнута вторили раскатам грома над головой.

Позади, буквально наступая на пятки, мчались вдогонку трое скрытых капюшонами всадников.

В такие ночи творятся злые дела. Нет, добрые, конечно, тоже. Но в основном все-таки злые.

* * *

В такие ночи ведьмы выбирают на гулянки.

Ну не совсем *гулянки*. Пищу они не любят, вода тоже какая-то подозрительная, да и шаманы вечно норовят занять все шезлонги. Но сегодня полная луна грудью пробивалась сквозь рваные облака, а ветер переливался шепотками и всевозможными оттенками магии.

На своей полянке в лесу ведьмы вели следующий разговор.

– Во вторник я сию с ребенком, – сказала та, которая обходилась без шляпы, зато имела такие густые светлые кудри, что они запросто заменили бы ей шлем. – С младшеньким нашего Джейсона. Вот пятница у меня свободна. Поторопись с чаем, милочка. Умираю от жажды.

Младшая из троицы испустила тяжкий вздох и налила кипятка из котла в чайник.

Третья ведьма доброжелательно потрепала ее по руке.

– У тебя очень недурно вышло. Только поработай над визгом еще немного. Не так ли, нянюш-ка Ягг?

– Как по мне, визг очень даже годный, – поспешно заявила нянюшка. – Смотрю, тетушка Вемпер, покойся она с миром, изрядно поработала над твоим прищуром.

– Прищур хорош, – заверила матушка Ветровоск.

Младшая ведьма, которую звали Маграт Чесногк, существенно приободрилась. Она буквально благоговела перед матушкой. Все в Овцепиках знали: госпожа Ветровоск редко относится к чему-либо одобрительно. И если уж она сказала, что прищур хорош, то Маграт, вероятно, при желании смогла бы заглянуть в собственные ноздри.

В отличие от волшебников, обожающих сложные иерархии, ведьмы не слишком жалуют структурный подход по отношению к карьерному росту. Каждая сама решает, брать или не брать ученицу, чтобы передать ей перед смертью свой участок. Ведьмы по натуре не особо любят общаться – по крайней мере с другими ведьмами, – и у них совершенно точно нет лидеров.

Матушка Ветровоск была самым уважаемым из их несуществующих лидеров.

Во время чаепития руки Маграт слегка дрожали. Конечно, все это очень приятно, но как-то боязно начинать карьеру деревенской ведьмы, когда с одной стороны у тебя матушка, а по другую сторону леса нянюшка Ягг. Собственно, именно Маграт предложила созвать местный шабаш. Как-то получалось более... оккультно, что ли. К ее вящему изумлению, товарки согласились – ну или, по крайней мере, не слишком возражали.

– Шабашка? – переспросила нянюшка Ягг. – С чего нам отправляться на шабашку?

– Она про шабаш, Гита, – пояснила матушка Ветровоск. – Помнишь, сборища, как в старые добрые времена.

– С танцами? – с надеждой поинтересовалась нянюшка Ягг.

– Никаких танцев, – предупредила матушка. – Плясок я не потерплю. И не вздумайте петь или вообще излишне перевозбуждаться из-за всяких глупостей вроде помад и тому подобной чуши.

– Все равно приятно на улицу выйти, – счастливо заметила нянюшка.

Запрет на танцы Маграт расстроил, зато она порадовалась, что не сболтнула еще пару идей, что крутились на языке. Маграт покопалась в свертке, который притащила с собой. Это был ее первый шабаш, и она твердо намеревалась сделать все как надо.

– Кто-нибудь хочет булочку?

Матушка внимательно осмотрела угощение, прежде чем откусить. Маграт изобразила на каждой булочке летучую мышь. Глазами служили ягоды смородины.

* * *

Карета с треском проломилась сквозь деревья на краю леса, налетела на камень, несколько секунд балансировала на двух колесах, затем выровнялась вопреки всем законам физики и понеслась дальше. Но теперь, вверх по склону, она ехала все медленнее.

Мужчина, встав на козлах на манер возницы, откинул волосы с глаз и всмотрелся во мглу. Здесь, у подножия Овцепиков, никто не жил, но впереди маячил огонек. Боги все милостивые, огонек!

Стрела вонзилась в крышу позади кучера.

* * *

А тем временем король Веренс, владыка Ланкра, совершил удивительное открытие.

Как и большинство людей – по крайней мере то большинство, что еще не успело разменять седьмой десяток, – Веренс не слишком терзался мыслями на тему «что случается с тобой, когда ты умираешь». Как и большинство людей с начала времен, он полагал, что в итоге оно все само как-то уладится.

И, как большинство людей с начала времен, ныне был мертв.

На самом деле он с кинжалом в спине лежал у подножия одной из собственных лестниц в Ланкрском замке.

Веренс сел и с удивлением обнаружил: если то, что он воспринимал как *себя*, приняло вертикальное положение, то вот то, что весьма походило на его тело, осталось валяться на полу.

А тело-то очень даже неплохое, решил монарх, впервые увидев его со стороны. Следовало признать, он всегда был к нему привязан, хотя теперь ситуация, похоже, изменилась.

Большое, мускулистое. Веренс хорошо о нем заботился. Позволил ему отрастить усы и длинные летящие локоны. Старательно выполнял полезные упражнения на свежем воздухе и ел много красного мяса. А теперь, когда тело пришлось бы очень кстати, оно его бросило. Или выбросило.

Вдобавок ко всему рядом маячила какая-то высокая тощая фигура. По большей части ее скрывал черный балахон с капюшоном, но торчащая из складок рука, что сжимала большую косу, была костлявой.

Когда ты мертв, кое-кого можно опознать на уровне инстинктов.

– ПРИВЕТ.

Веренс выпрямился во весь рост – вернее, выпрямился бы, кабы та часть короля, к которой относилось слово «рост», не лежала бревном на полу, устремив взгляд туда, чему подходило лишь слово «небытие».

– Я король, между прочим.

– БЫЛ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

– Что? – рявкнул Веренс.

– Я ГОВОРЮ – БЫЛ. ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ «ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ». СКОРО ПРИВЫКНЕШЬ.

Незнакомец побарабанил костлявыми пальцами по ручке косы. Его явно что-то расстраивало.

Если на то пошло, я тоже недоволен, подумал Веренс. Многочисленные прямые намеки на его нынешнее состояние пробились даже сквозь безрассудную храбрость, коей так славился монарх при жизни. До него дошло, что в каком бы королевстве он сейчас ни находился, его уже явно нельзя было назвать правителем.

– Ты Смерть, приятель? – отважился спросить Веренс.

– У МЕНЯ МНОГО ИМЕН.

– И какое ты предпочитаешь на данный момент? – с большим почтением поинтересовался Веренс. Вокруг сновали люди; вообще-то некоторые сновали *сквозь* беседующих, точно призраки.

– А, так это был Флем, – рассеянно заметил король, глядя на человека, что с прямо-таки неприличной радостью наблюдал за происходящим с вершины лестницы. – Отец предупреждал никогда не поворачиваться к нему спиной. Почему я не злюсь?

– ГЛАНДЫ, – коротко ответил Смерть. – АДРЕНАЛИН И ВСЕ ТАКОЕ. И ЭМОЦИИ. У ТЕБЯ ИХ БОЛЬШЕ НЕТ. ОСТАЛИСЬ ЛИШЬ МЫСЛИ.

Похоже, рослый гость пришел к какому-то решению.

– СЛУЧАЙ ОЧЕНЬ НЕСТАНДАРТНЫЙ, – произнес он словно бы про себя. – ОДНАКО КТО Я ТАКОЙ, ЧТОБЫ СПОРИТЬ?

– Действительно, кто.

– ЧТО?

– Говорю – действительно, кто.

– ЗАТКНИСЬ.

Смерть склонил череп набок, словно прислушиваясь к некоему внутреннему голосу. Капюшон спал, и покойный король заметил, что Смерть в точности похож на отполированный скелет, кроме одной особенности: его глазницы сияли небесно-голубым огнем. Однако Веренс не испугался; не только потому, что трудно бояться чего-либо, когда те органы, с помощью которых положено бояться, лежат в нескольких ярдах поодаль, просто король никогда в жизни ничего не пугался и не собирался начинать теперь. Отчасти в подобной слепой храбро-

сти можно было винить отсутствие у монарха воображения, но вдобавок он относился к тем редким личностям, что полностью сосредоточены на данном моменте времени.

Большинство людей не такие. Их жизнь – что-то вроде неясного пятна вокруг точки, где находится их тело: они предвкушают будущее или цепляются за прошлое. Обычно люди настолько заняты размышлениями, как же все обернется дальше, что осознают настоящее, лишь когда оно уже позади. Большинство людей таковы. Они приучаются бояться, потому что на подсознательном уровне чувствуют, что будет дальше. Ведь это уже с ними происходит.

Но Веренс всегда жил лишь настоящим. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Смерть вздохнул.

– ТАК ПОНИМАЮ, НИКТО НИЧЕГО ТЕБЕ НЕ СКАЗАЛ?

– Что-что?

– НИКАКИХ ДУРНЫХ ПРЕДЧУВСТВИЙ? СТРАННЫХ СНОВ? МОЖЕТ, КАКОЙ-НИБУДЬ СТАРЫЙ ЧОКНУТЫЙ ПРОРИЦАТЕЛЬ ЧТО-ТО КРИЧАЛ ТЕБЕ НА УЛИЦЕ?

– О чем? Что я умру?

– ПОХОЖЕ, НИКТО. СЛИШКОМ МНОГО Я ОТ НИХ ЖДУ, – кисло произнес Смерть. – ОНИ ВСЕ СБРОСИЛИ НА МЕНЯ.

– Кто? – озадаченно спросил Веренс.

– РОК. СУДЬБА. ВСЕ ПРОЧИЕ. – Смерть положил руку королю на плечо. – ТУТ ТАКОЕ ДЕЛО... БОЮСЬ, ТЕБЕ СУЖДЕНО СТАТЬ ПРИЗРАКОМ.

– О. – Веренс посмотрел на свое... туловище. Оно казалось довольно плотным. А потом кто-то прошел сквозь него.

– СИЛЬНО НЕ РАССТРАИВАЙСЯ.

Веренс наблюдал, как его окоченевший труп почтительно тащат прочь из холла.

– Попытаюсь, – сказал он.

– ВОТ И МОЛОДЕЦ.

– Только вряд ли я справлюсь со всей этой ерундой с саванами и цепями, – заметил король. – Мне обязательно бродить по округе и стонать?

Смерть пожал плечами.

– А ТЫ ХОЧЕШЬ?

– Нет.

– ТОГДА НА ТВОЕМ МЕСТЕ Я БЫ НЕ УТРУЖДАЛСЯ. – Смерть вынул из недр темного балахона песочные часы и пристально в них взгляделся. – А ТЕПЕРЬ МНЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОРА, – заявил он, развернулся, закинул косу на плечо и зашагал прочь из холла прямо сквозь стену.

– Что? Эй, погоди! – заорал Веренс и кинулся следом.

Смерть даже не оглянулся. Веренс прошел за ним через стену – по ощущениям примерно как сквозь туман.

– И все? – требовательно спросил король. – В смысле, долго мне оставаться призраком? Почему я вообще призрак? Ты не можешь так меня бросить. – Он остановился и воздел внушительный, пусть и слегка прозрачный палец. – Стой! Я приказываю!

Смерть мрачно покачал головой и прошел через следующую стену. Король поспешил за ним со всем достоинством, какое только смог изобразить, и обнаружил, что Смерть уже возится с подпругой большого белого коня, стоящего на зубчатой стене. На морде лошади висела сумка для сена.

– Ты не можешь так меня бросить! – повторил король пред лицом очевидного.

Смерть повернулся к нему.

– МОГУ. ВИДИШЬ ЛИ, ТЫ НЕУПОКОЕННЫЙ. ПРИЗРАКИ ОБИТАЮТ В МИРЕ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ. ЭТО НЕ МОЯ ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ. – Он похлопал короля по плечу. – НЕ ВОЛНУЙСЯ. ЭТО НЕ НАВЕЧНО.

– Хорошо.

– ХОТЯ ПО ОЩУЩЕНИЯМ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ ВЕЧНОСТЬЮ.

– И долго мне ходить призраком?

– ПОКА НЕ ВЫПОЛНИШЬ СВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ, ПОЛАГАЮ.

– А как я узнаю, в чем оно заключается? – в отчаянии спросил король.

– ТУТ НИЧЕМ НЕ МОГУ ПОМОЧЬ, ИЗВИНИ.

– Но как мне тогда выяснить?

– НАСКОЛЬКО ПОНИМАЮ, ТАКИЕ ВЕЩИ САМИ СОБОЙ СТАНОВЯТСЯ ОЧЕВИДНЫ, – ответил Смерть и вскочил в седло.

– А до тех пор мне суждено скитаться по этому месту. – Король Веренс оглядел продуваемую насквозь стену. – В полном одиночестве. Кто-нибудь сможет меня видеть?

– А, ДА, ЛЮДИ СО СПОСОБНОСТЯМИ. БЛИЗКИЕ РОДИЧИ. И КОШКИ, РАЗУМЕЕТСЯ.

– Ненавижу кошек.

Лицо Смерти стало чуть напряженнее, если такое вообще возможно. Голубые глазницы на миг вспыхнули алым.

– ЯСНО, – протянул он тоном, который четко говорил: раз не любишь кошек, то уж тем более не достоин смерти. – ТАК ПОНИМАЮ, ТЫ ПРЕДПОЧИТАЕШЬ БОЛЬШИХ ПСОВ.

– Вообще-то да. – Король тоскливо посмотрел на полосу рассвета. Его псы. Он и правда по ним скучал. А похоже, грядет отличный денек для охоты.

Интересно, призраки охотятся? Скорее всего нет, решил он. А еще не едят и не пьют, что совсем уж грустно. Король обожал шумные пирушки и крикнул¹ немало пинт доброго эля. И дурного тоже, если на то пошло. Разницу он обычно узнавал только по своему самочувствию на следующее утро.

Король уныло пнул камень и мрачно заметил, что нога прошла насквозь. Никакой псовой или соколиной охоты, питья, кутежей, никаких пирушек... Оказывается, плотские удовольствия без плоти мало доступны. Внезапно жизнь утратила весь смысл. Тот факт, что король уже не жил, совсем не добавил ему радости.

– НЕКОТОРЫМ НРАВИТСЯ БЫТЬ ПРИЗРАКАМИ, – сообщил Смерть.

– Хм? – мрачно переспросил Веренс.

– НЕ ТАК УЖ ЭТО ПАРШИВО, НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ. СМОЖЕШЬ УВИДЕТЬ, КАК ВЫРАСТУТ ТВОИ ПОТОМКИ. ЭЙ! ЧТО-ТО НЕ ТАК?

Но Веренс уже ушел сквозь стену.

– НУ ЧТО ТЫ, НЕ СТОИТ ОБРАЩАТЬ НА МЕНЯ ВНИМАНИЕ, – обиженно буркнул Смерть. Затем осмотрелся взглядом, способным пронзить пространство, время и души людей, и заметил оползень в Клатче, ураган в Очудноземье и чуму в Гергене.

– ДЕЛА, ДЕЛА, – пробормотал он и прищипорил коня, послав того в небо.

Веренс бежал сквозь стены собственного замка. Ноги едва касались земли – на самом деле иногда не касались ее вовсе.

Как истинный король, он привык обращаться со слугами так, словно их нет. Бежать сквозь них призраком было почти то же самое. Разве что они не пытались посторониться.

Веренс домчался до детской, увидел взломанную дверь, разбросанные простыни...

И услышал стук копыт. Он подбежал к окну: его собственный конь на всем скаку пронесся сквозь открытые ворота, унося за собой карету. Несколько секунд спустя следом ринулись трое всадников. Звук копыт эхом прозвенел по булыжникам и стих.

Король с досадой ударил по подоконнику, и кулак на несколько дюймов ушел в камень.

¹ Крикнуть – это то же, что «выпить», только по большей части расплескать.

Затем Веренс выпрыгнул наружу, едва обратив внимание на высоту падения, и наполовину полетел, наполовину побежал через двор на конюшню.

Буквально двадцать секунд спустя он выяснил, что в длинный список всего, чего не могут призраки, следует добавить невозможность ездить верхом. Нет, в седло-то он забрался, ну или по крайней мере уселся в воздух над ним, но когда лошадь наконец рванула вперед, до смерти напуганная странными вещами, что творились прямо у нее за ушами, Веренс остался висеть в пяти футах над землей.

Он попытался бежать и уже было добрался до ворот, как воздух вдруг сгустился до плотности дегтя.

– Нельзя, – донесся откуда-то скрипучий голос. – Ты должен оставаться там, где тебя убили. В этом суть призраков. Уж мне поверь, я точно знаю.

* * *

Матушка Ветровоск замерла, не донеся до рта вторую булочку.

– Что-то приближается, – сказала колдунья.

– Вы это знаете, потому что пальцы покалывает? – с надеждой спросила Маграт. Свои познания о ведьмовской науке она в основном почерпнула из книг.

– Я это знаю, потому что слышу, – ответила матушка и, вскинув брови, переглянулась с нянюшкой Ягг. Старая тетушка Вемпер была отличной ведьмой, на свой манер, но слишком уж с причудами. Слишком много цветочков, романтических бредней и тому подобного.

Случайные вспышки молний озаряли вересковую пустошь, что тянулась до самого леса; дождь лился на нагретую летним солнцем почву, наполняя воздух туманными призраками.

– Это что, копыта стучат? – спросила нянюшка Ягг. – Вообще-то в такое время никто бы сюда не сунулся.

Маграт робко огляделась. То здесь, то там на болоте высились большие каменные глыбы. Никто уже не помнил, откуда они взялись, но поговаривали, что исполины ведут свою, весьма активную и скрытую от посторонних глаз жизнь. Маграт поежилась и заставила себя спросить:

– Тут есть чего бояться?

– Нас, – мрачно припечатала матушка Ветровоск.

Стук копыт становился все ближе и все медленнее. Наконец сквозь заросли дрока пробила карета; к упряжи тянулись бессильно обвисшие поводья. Возница спрыгнул с козел, побежал к двери, вытащил наружу большой сверток и бросился по сырому торфу к троице ведьм.

Где-то на полпути незваный гость резко остановился и в ужасе уставился на матушку Ветровоск.

– Все хорошо, – прошептала она, и ее шепот разнесся над гулом шторма так же ясно, как звон колокола.

Матушка сделала несколько шагов вперед. Пришедшаяся очень кстати вспышка молнии позволила ей ясно рассмотреть глаза мужчины. Они таили в себе характерную сосредоточенность, говорящую тем, кто владел Знанием, что их обладатель более не видит этот мир.

В последней судороге несчастный сунул сверток в руки матушки и рухнул лицом вниз. Из спины его торчало оперение стрелы.

Три силуэта вошли в круг света костра. Матушка увидела другую пару глаз, ледяных, как отроги преисподней.

Их обладатель отбросил в сторону арбалет и вытащил меч. Под намокшим плащом мелькнула кольчуга.

Незнакомец не стал вычурно размахивать клинком. Глаза, что не отрывались от лица матушки, были глазами человека, который не разменивается на пустые эффекты. Который точно знает, для чего предназначены мечи. Он протянул руку:

– Отдай это мне.

Матушка сдвинула в сторону одеяло и уставилась на крохотное личико спящего ребенка. Затем подняла голову и из принципа отрезала:

– Нет.

Солдат перевел взгляд на Маграт и нянюшку Ягг, что по неподвижности сравнялись с каменными глыбами болота.

– Вы ведьмы?

Матушка кивнула. Молния обрушилась с неба, и куст в сотне ярдов поодаль распустился огненным цветком. Двое солдат позади главного что-то пробормотали, но он лишь улыбнулся и поднял закованную в броню руку.

– А ведьмы умеют превращать свою кожу в сталь?

– Насколько я знаю, нет, – спокойно ответила матушка. – Можешь сам проверить.

Один из солдат шагнул вперед и осторожно коснулся руки главного.

– Сэр, при всем уважении, это не самая хорошая затея...

– Молчать.

– Но ведь крайне дурной знак...

– Мне что, повторить приказ?

– Сэр... – Солдат в бессильном ужасе глянул на ведьму.

Главный ухмыльнулся матушке, но та и бровью не повела.

– Твоя деревенская магия для дураков, мать ночи. Я могу сразить тебя на месте.

– Так срази, – предложила матушка, глядя куда-то ему за плечо. – Если так велит тебе сердце, ударь так сильно, как только осмелишься.

Мужчина поднял меч. Молния расколола камень в нескольких ярдах поодаль, наполнив воздух дымом и вонью горелого кремния.

– Промазала, – самодовольно заявил главный и, судя по напрягшимся мышцам, приготовился обрушить меч на ведьму.

Но внезапно лицо мужчины исказило крайнее удивление. Он склонил голову набок и открыл рот, словно бы передумал. Меч выпал из его руки и вонзился в торф. Затем мужчина выдохнул и очень мягко сложился кучей у ног матушки.

Она слегка ткнула его носком туфли и прошептала:

– А может, ты просто не понял, куда я целюсь. Вот уж правда мать ночи!

Солдат, что пытался остановить своего командира, в ужасе уставился на окровавленный кинжал в своей руке и попятился прочь.

– Я-я-я не мог. Ему не следовало. Это... это неправильно, – запинаясь пробормотал он.

– Ты из здешних краев, юноша? – поинтересовалась матушка.

Солдат рухнул на колени.

– Бешеный Волк, мэ. – Оглянулся на павшего капитана и взвыл: – Они меня теперь казнят!

– Но ты поступил так, как, по-твоему, было правильно.

– Я не затем пошел в солдаты, чтобы просто убивать людей направо и налево.

– Верно. На твоём месте я бы подалась в моряки, – задумчиво протянула матушка. – Да, морская карьера. И начала бы как можно скорее. На самом деле прямо сейчас. Беги, парень. Беги в море, где тебя не выследят. Тебя ждет долгая и успешная жизнь, обещаю. – Она миг помолчала, затем добавила: – По крайней мере, уж подольше, чем если продолжишь ошиваться по округе.

Солдат заставил себя встать, бросил на нее взгляд, полный благодарности и благоговения, и удрал в туман.

– Ну а теперь, возможно, кто-нибудь удосужится объяснить нам, в чем дело? – спросила матушка, поворачиваясь к третьему человеку.

Вернее, туда, где он был.

Где-то вдалеке загрохотали копыта, а потом повисла тишина.

Нянюшка Ягг подковыляла поближе.

– Я могу его поймать, – вызвалась она. – Что скажешь?

Матушка покачала головой, села на камень и посмотрела на ребенка у себя на руках. Мальчик, не больше двух лет от роду, практически нагой, не считая одеяла. Ведьма автоматически покачала его, глядя в никуда.

Нянюшка Ягг осмотрела два трупа с видом человека, для которого случившиеся под носом убийства отнюдь не что-то из ряда вон выходящее.

– Может, они бандиты, – с дрожью в голосе предположила Маграт.

Нянюшка покачала головой.

– Странное дело, – заметила она. – У обоих на одежде одинаковые нашивки. Два медведя на черно-золотом фоне. Кто-нибудь в курсе, что это значит?

– Это герб короля Веренса, – ответила Маграт.

– А он кто? – спросила матушка Ветровоск.

– Тот, кто управляет нашей страной, – пояснила Маграт.

– А, – отмахнулась матушка, словно данная информация едва ли стоила ее внимания.

– Солдаты одного короля сражаются друг с другом. Бессмыслица какая-то, – сказала нянюшка Ягг. – Маграт, осмотри возницу.

Младшая ведьма обыскала тело и обнаружила мешок. Открыла его, и какой-то предмет со стуком упал на торф.

Шторм уже укатился на другую сторону гор, и водянистая луна размазывала кашицу света по влажной вересковой пустоши. Этот самый свет отразился на том, что, без сомнения, являлось крайне важным предметом.

– Это корона, – сказала Маграт. – Видите, вся в зубах.

– Ох, – только и сказала матушка.

Дитя что-то загулило во сне. Матушка Ветровоск не любила заглядывать в будущее, но прямо сейчас у нее возникло ощущение, что будущее само пристально глядит на нее.

И ей вот совсем не понравилось его выражение.

* * *

А вот король Веренс смотрел назад – и практически с тем же самым эффектом.

– Ты меня видишь? – спросил он.

– О да. И весьма ясно, – заверил новоприбывший.

Брови Веренса сошлись на переносице. Жизнь призрака, похоже, требовала куда больше ментальных усилий, чем жизнь человека; правитель вполне безбедно протянул сорок лет, напрягая мозг не более пары раз в день, – но теперь ему постоянно приходилось думать.

– А. Ты тоже призрак.

– Точно подмечено.

– Так ты же голову под мышкой держишь, – пояснил Веренс, крайне довольный собой. – Она-то и навела меня на мысль.

– Тебя это не смущает? Если что, я могу надеть ее обратно, – услужливо предложил старый призрак и протянул руку: – Рад знакомству. Я Кампот, король Ланкра.

– Веренс. Аналогично. – Веренс всмотрелся в черты старого короля и прибавил: – Как-то не припомню твоего портрета в Большой галерее...

– О, они все написаны намного позже моего времени, – отмахнулся Кампот.

– И долго ты уже здесь обитаешь?

Кампот потер нос своей головы.

– Где-то тысячу лет, – гордо сообщил он. – Во плоти и без нее.

– Тысячу лет!

– Собственно, я и построил этот замок. Как раз закончил отделку, когда мой племянник отрубил мне голову во сне. Передать не могу, насколько это меня расстроило.

– Но... тысяча лет... – слабым голосом повторил Веренс.

Кампот взял его за руку.

– Быть призраком не так уж плохо, – заверил он и повел все еще пребывающего в ступоре короля через двор. – Во многих отношениях даже лучше, чем быть живым.

– Тогда это очень уж странные отношения! – огрызнулся Веренс. – Мне *нравилось* быть живым!

Кампот успокаивающе улыбнулся.

– Ты скоро привыкнешь.

– Не хочу я привыкать!

– У тебя очень сильное морфогеническое поле, – сообщил Кампот. – Уж поверь, я в этом дока. Да. Весьма сильное, должен заметить.

– И что это значит?

– Никогда не умел жонглировать словами, – признался Кампот. – Куда легче просто грохнуть человека чем-нибудь тяжелым... В общем, суть в следующем – насколько ты был полон жизни. Ну, при этой самой жизни. Пожалуй, это можно назвать... животной энергией. Да, именно так. Животная энергия. Чем ее больше, тем сильнее ты остаешься собой в виде призрака. По моим прикидкам, при жизни ты буквально излучал энергию.

Веренс невольно почувствовал себя польщенным.

– Я всегда старался чем-нибудь себя занять. – Они прошли сквозь стену в Большой зал, ныне пустой. Вид столов на подмостках вызвал у короля автоматическую реакцию.

– А как мы позавтракаем?

Кампот явно удивился вопросу.

– Никак. Мы призраки.

– Но я голоден!

– Нет. Это просто твое воображение.

Из кухни донесся грохот посуды. Повара уже встали и, за неимением иных указаний, принялись готовить обычные для того времени суток блюда. Знакомый аромат витал под темной аркой.

Веренс принялся.

– Сосиски, – мечтательно протянул он. – Бекон. Яйца. Копченая рыба. – Король посмотрел на Кампота и шепотом закончил: – Черный пудинг.

– У тебя же нет желудка, – напомнил старый призрак. – Это все в голове. Сила привычки. Ты просто *думаешь*, что голоден.

– Я *думаю*, что просто умираю от голода.

– Ты все равно не можешь ничего коснуться, – мягко пояснил Кампот. – Вообще ничего.

Веренс аккуратно опустил на скамью, чтобы не провалиться сквозь нее, и уронил голову на руки. Он слышал, что смерть скверная штука. Просто не создавал, насколько именно.

Ему хотелось отомстить. Хотелось вырваться за пределы внезапно опостылевшего замка и найти своего сына. А пуще хотелось прямо сейчас умять тарелку почек, и вот это больше всего пугало правителя.

* * *

Влажный рассвет затопил просторы, взобрался на зубцы Ланкрского замка, штурмом взял крепость и наконец просочился в окно комнаты наверху.

Герцог Флем мрачно разглядывал мокрый лес. Как же много деревьев! В принципе он ничего не имел против них как таковых, просто вид настоящей стены из стволов действовал крайне удручающе. Постоянно тянуло их пересчитать.

– Воистину, любовь моя, – сказал он.

Сторонним наблюдателям герцог напоминал какую-то ящерицу, вроде тех, что обитают на вулканических островах, шевелятся раз в сутки, имеют рудиментарный третий глаз и моргают раз в месяц. Сам он считал себя цивилизованным человеком, которому куда больше подходит сухой воздух и яркое солнце – да и вообще нормально организованный климат.

С другой стороны, размышлял герцог, пожалуй, хорошо быть деревом. У деревьев нет ушей, это он знал наверняка. А еще они умудряются существовать без благословенных уз брака. Дуб-самец – ведь так? надо уточнить термин, – так вот, дуб-самец просто роняет пыльцу, ту переносит ветер, и вся головная боль с желудями (если только на дубах не растут яблоки... нет, все-таки желуди) проходит без его участия...

– Да, мое сокровище.

Да уж, хорошо эти деревья устроились. Герцог недовольно глянул на лесную чащу. Эгоистичные ублюдки.

– Конечно, моя дорогая.

– Что? – переспросила герцогиня.

Герцог замаялся, судорожно пытаясь припомнить, о чем же вела монолог жена последние пять минут. Что-то о том, что он лишь наполовину мужчина и... не в состоянии выполнить свое предназначение? А еще она точно жаловалась на холод в замке. Да, вот оно. Что ж, в кои веки раз чертовы деревья принесут хоть какую-то пользу.

– Я велю срубить их и доставить прямо сюда, дорогая, – заверил Флем.

Леди буквально лишилась дара речи. Крайне примечательное событие, надо отметить. Герцогиня была крупной и внушительной женщиной, навевающей мысли о галеоне, идущем на вас на всех парусах; впечатление лишь усиливалось святой верой дамы, что красный ей к лицу. Увы, цвет не столько оттенял лик мадам, сколько соответствовал ему.

Герцог часто шутил, как же ему повезло в браке. Кабы не амбиции благоверной, сидеть бы ему обычным местным лордиком, у кого из развлечений лишь охота, выпивка да право сеньора².

Вместо этого он ныне стоял в шаге от трона и вскоре мог стать властителем всего, на что падал его взгляд.

А взгляд падал лишь на деревья. Флем вздохнул.

– Что срубить? – ледяным тоном переспросила леди Флем.

– Деревья, – пояснил герцог.

– А они-то тут при чем?

– Ну... их так много, – с чувством ответил он.

– Не переводите разговор на другую тему!

– Прости, милая.

– Я *говорила*, как ты мог настолько сглупить и дать им удрать? Твердила же, тот слуга слишком преданный. Нельзя верить подобным людям.

– Да, дорогая.

– Полагаю, ты даже случайно не догадался послать кого-то за ними вдогонку?

– Бенцена, дорогая. И пару солдат.

² В чем бы оно ни заключалось. Никто так и не удосужился объяснить герцогу суть. Но таковое, в представлении Флема, непременно имелось у любого средневекового лорда и требовало регулярных упражнений. Вроде дрессуры большого лохматого пса. Герцог твердо намеревался обзавестись этим самым правом и как следует им пользоваться.

– О. – Герцогиня замолчала. Бенцен был капитаном личной стражи герцога и по части убийств мог сделать честь даже взбесившемуся мангусту. Леди и сама бы его предпочла. Она ощутила минутное раздражение, что не удалось попрекнуть мужа выбором, но тут же нашла новый повод.

– Его вообще не пришлось бы посылать, если бы ты меня послушал. Но нет, никогда...

– Что никогда, мое сокровище?

Герцог зевнул. Ночь выдалась долгой. Раскаты грома добавили ненужного драматизма, а еще пришлось пачкать руки со всеми этими ножами.

Как уже упоминалось, герцог Флем стоял в шаге от трона. Упомянутый шаг случился на вершине лестницы, что вела в Большой зал, и с которой король Веренс скатился в потемках, чтобы, вопреки всем законам вероятности, приземлиться на собственный же кинжал.

Впрочем, лекарь провозгласил смерть совершенно естественной. Бенцен посетил доброго доктора и объяснил, что болезнь излишне распущенного языка приводит к таким осложнениям, как полет с лестницы с кинжалом в спине.

На самом деле несколько слегка тугоухих стражников короля уже пали жертвой сей хвори. При дворе случилась небольшая эпидемия.

Герцога передернуло. Некоторые детали прошлой ночи были одновременно туманными и ужасными.

Он попытался себя заверить, что ныне все неприятности позади, а королевство у него в кармане. Не особо большое, судя по всему, заросшее деревьями, но все-таки королевство. И корона.

Если бы только удалось ее найти.

Ланкрский замок был построен на скале архитектором, который явно слышал о Горменгасте, но не располагал подобным бюджетом. Тем не менее он сделал все возможное, соорудив эдакий торт за полцены из турелей, цокольных этажей, опор, зубцов, горгулий, башен, дворов, крепостей и подземелий; на самом деле собрал практически все, что нужно замку, кроме, пожалуй, нормального фундамента и раствора, который не размочит первым же дождем.

Ланкр стоял на головокружительной высоте над бурлящими водами одноименной реки, что зловеще грохотала тысячью футов ниже. То и дело от замка что-то отваливалось и падало в ее волны.

Каким бы небольшим ни казался замок, в нем имелась тысяча мест, где можно спрятать корону.

Герцогиня вышла, чтобы найти себе новую жертву, и оставила лорда Флема мрачно смотреть в окно. Начался дождь.

Словно по сигналу раздался громовой стук в дверь замка. Это серьезно встревожило привратника, который как раз сидел на теплой кухне и резался в «дуркер» с поваром и шутом.

Привратник недовольно заворчал и встал.

– Кто-то стучит снаружи.

– Снаружи чего? – уточнил шут.

– Снаружи двери, идиот.

Шут обеспокоенно посмотрел на привратника.

– А зачем стучать не в саму дверь, а снаружи? – подозрительно переспросил он. – Это что-то из зена?

Пока привратник, ворча, поплелся в сторону ворот, повар добавил в банк еще фартинг и остро посмотрел поверх карт на шута.

– Что еще за зен?

Дурак как раз перебирал карты под звон своих колокольчиков и рассеянно ответил:

– Ой, это обосновавшееся в Клатче ответвление Сумтинской философской системы, известное своей простой аскезой и продвижением идей личного спокойствия и целостности,

которые достигаются путем медитации и дыхательных техник; главный аспект заключается в том, чтобы задавать бессмысленные вопросы с целью расширить границы восприятия.

– Чего-чего? – подозрительно переспросил повар. Бедняга и так находился на грани. Пока он нес завтрак в Большой зал, ему то и дело казалось, будто что-то пытается вырвать поднос из рук. И словно бы этого было мало, новый герцог отправил его назад за... Повар поежился. Овсянкой! И яйцом всмятку! Повар был слишком стар для такого рода вещей. И привык трудиться по-своему. Он был поваром в лучших феодальных традициях. Если тебе нельзя сунуть в рот яблоко и запечь, ты недостойн того, чтобы подавать тебя на стол.

Шут замер с картой в руке, подавил панику и быстро нашелся с ответом.

– Ох, дяденька, – пискнул он, – да у тебя вопросов поболее, чем желудей на вернедубе.

Повар расслабился.

– Ну и ладно, – подытожил он, хотя и не совсем довольный. Заради спокойствия шут сдал ему следующие три кона.

Привратник же тем временем отпер задвижное окошко на воротах.

– Кто там снаружи барабанит? – проворчал он.

Вымокший до нитки перепуганный солдат замялся.

– Снаружи? Снаружи чего?

– Если тоже собираешься дурить, то и стой там до вечера, – спокойно предложил привратник.

– Нет! Мне срочно надо к герцогу! – крикнул солдат. – Там ведьмы!

Привратник уже хотел ляпнуть что-то вроде «в это время года?» или «вот бы и мне поразиться», но осекся, разглядев лицо солдата. То было выражение человека, кому предстало нечто из мира духов. Взгляд того, кто узрел вещи, не предназначенные праведному мужу...

– Ведьмы? – переспросил лорд Флем.

– Ведьмы! – вскрикнула герцогиня.

– Ведьмы! – повторил с ноткой надежды голос столь же неуловимый, как ветерок в замочной скважине.

Те, кто может видеть призраков...

* * *

– Мы лезем не свое дело, – заявила матушка Ветровоск. – И ничего хорошего из этого не выйдет.

– Но это так *романтично*, – с придыханием протянула Маграт.

– Ути-пути, – загулила нянюшка Ягг.

– В любом случае ты убила того ужасного человека! – напомнила Маграт.

– Не убивала я его. Просто подтолкнула... ход событий. – Матушка нахмурилась. – Он все уважение растерял. А когда люди теряют уважение к другим, жди беды.

– Крибле-крабле-бумс!

– Возница доставил ребенка сюда, чтобы спасти! – крикнула Маграт. – Доверил малыша нам! Это же очевидно! Это судьба!

– А, *очевидно*, – повторила матушка. – Да уж, очевиднее некуда. Загвоздка в одном: очевидное не значит истинное.

Она взвесила корону в руках. Венец был очень внушительным, и не только в плане фунтов и унций.

– Да, но суть... – начала Маграт.

– Суть в том, – перебила матушка, – что сюда за ним явятся люди. Серьезные люди. С серьезными намерениями. Вроде того, чтобы обрушить стены и выжечь землю. И...

– А кто это у нас такой милый, а?

– И, Гита, я уверена, мы все станем намного счастливее, если ты прекратишь сюсюкать! – не выдержала матушка, чувствуя, как сдают нервы. Они всегда сдавали, когда госпожа Ветровоск в чем-то сомневалась. Вдобавок ведьмы успели вернуться в хижину Маграт, и декор изрядно раздражал матушку. Младшая ведьма верила в эльфов, мудрость Природы, целительные свойства красок, смену времен года и кучу других вещей, которыми госпожа Ветровоск даже голову себе забивать не желала.

– Не смей мне указывать, как обращаться с ребенком, – мягко упрекнула нянюшка Ягг. – Не то я со своими пятнадцатью не научилась?

– Я лишь говорю, что нам надо все хорошенько взвесить, – пояснила матушка.

Две другие ведьмы какое-то время молча на нее смотрели.

– И что? – наконец не выдержала Маграт.

Матушка побарабанила пальцами по краю короны и нахмурилась.

– Во-первых, заберем его отсюда. – Она вскинула руку. – Нет, Гита, я верю, твоя хижина идеальна и все такое, но здесь небезопасно. Ребенка нужно увезти, далеко-далеко, туда, где никто не знает, кто он. И еще остается это. – Она перебрала корону из руки в руку.

– О, ну с ней все просто, – заверила Маграт. – В смысле, просто спрячем ее под камнем или где-то еще. Пустяки. Вещь спрятать куда легче ребенка.

– Увы, – возразила матушка. – В стране полно младенцев, и все они примерно на одно лицо, а вот корона штука редкая. Вдобавок такие предметы достаточно несложно найти. Они вроде как вызывают к умам людей. Сунь ее под камень – недели не пройдет, как кто-нибудь случайно на нее наткнется. Помяни мое слово.

– Это верно, – с готовностью подхватила нянюшка Ягг. – Сто раз бросишь заколдованное кольцо в самые глубины океана, вернешься домой, решишь приготовить рыбу на ужин – и где оно оказывается?

Ведьмы невольно задумались.

– Да не было со мной такого ни разу, – раздраженно отрезала матушка. – И с тобой тоже. В любом случае парень, когда вырастет, захочет ее себе. Корона его по праву. Правители придают огромное значение своим венцам. Серьезно, Гита, иногда ты как завернешь...

– Я приготовлю еще чаю? – вызвалась Маграт и исчезла на судомойне.

Две старшие ведьмы уселись за стол друг напротив друга в вежливом и напряженном молчании. Наконец нянюшка Ягг сказала:

– А она симпатично дом оформила, да? Цветы и все такое. Что это там на стене?

– Сигилы, – кисло ответила матушка. – Или что-то вроде того.

– Мило, – вежливо заметила нянюшка Ягг. – И все эти одеяния, палочки...

– Новомодные штучки, – фыркнула матушка Ветровоск. – Когда я была девицей, мы довольствовались куском воска и парой булавок. Сами свои заклинания создавали.

– С тех пор много воды утекло, – мудро заметила нянюшка Ягг и покачала дитя.

Госпожа Ветровоск шмыгнула носом. Нянюшка трижды ходила замуж, и теперь племя ее детей и внуков рассеялось по всему королевству. Разумеется, ведьмам не запрещалось создавать семью. Матушка признавала этот факт, пусть и неохотно. Очень неохотно. Она снова неодобрительно шмыгнула – и весьма зря.

– Что за запах?

– Ох, пожалуй, пойду к Маграт, спрошу, нет ли у нее чистых тряпок, – сообщила нянюшка, аккуратно перекладывая ребенка.

И вот так госпожа Ветровоск осталась одна. Ей стало неловко, как любому человеку в чужой комнате. Сразу захотелось встать и отправиться рассматривать книги на полке над сервантом или проверить камин на наличие пыли. Матушка все крутила корону в руках. Венец по-прежнему казался больше и тяжелее, чем был на самом деле.

Госпожа Ветровоск заметила над каминной полкой зеркало и снова посмотрела на корону. Какое искушение. Венец практически просился его примерить. Почему бы нет? Убедившись, что свидетелей нет, матушка одним движением сдернула шляпу и нацепила корону на голову.

Похоже, впору. Госпожа Ветровоск гордо выпрямилась и властно простерла руку в сторону очага.

– Очень хорошо, за дело. – Затем высокомерно уставилась на старинные часы. – Голову ему с плеч! – приказала она и мрачно улыбнулась.

Внезапно матушка застыла. В ушах ее зазвенели крики, грохот лошадиных копыт, смертельный шепот стрел и влажное чавканье, с которым наконечник пики входит в плоть. Залпы один за другим эхом прокатывались в черепе. Меч рубил по щиту, или другому мечу, или кости. Годы пронеслись перед глазами за долю секунды. Иногда она лежала среди мертвецов, иногда свисала с ветки дерева; но неизменно чьи-то руки поднимали ее и водружали обратно на бархатную подушку...

Госпожа Ветровоск очень осторожно сняла корону с головы – не без труда, вещь явно не желала покидать свое место – и положила на стол.

– Так вот что значит быть королем, – тихо заметила матушка. – И почему они все так этого жаждут?

– Сахару не желаете? – спросила из-за спины Маграт.

– Надо родиться глупцом, чтобы возмечтать стать королем.

– Простите, что?

Матушка обернулась.

– Не заметила, как ты вошла. Что ты сказала?

– Сахар в чай добавить?

– Да, три ложки, – поспешно попросила матушка.

Одной из немногих горестей в жизни госпожи Ветровоск было то, что, невзирая на все усилия, она достигла пика карьеры с лицом, похожим на румяное яблочко, и полным комплектом зубов. Никакие чары не могли заставить бородавку укорениться на ее симпатичной, пусть и немного вытянутой физиономии, а злоупотребление сахаром дарило лишь неиссякаемую энергию. Колдун, к которому матушка обратилась за советом, объяснил, что виной всему ее метаболизм. По крайней мере, это позволило госпоже Ветровоск ощущать легкое превосходство над подругой, ибо та, похоже, этим самым метаболизмом не обладала вовсе.

Маграт послушно насыпала три полные ложки с горкой, с тоской размышляя, что было бы приятно, кабы время от времени ее хоть кто-нибудь догадывался благодарить.

Внезапно молодая ведьма ощутила на себе пристальный взгляд короны.

– Тоже это чувствуешь? – спросила матушка. – Я же говорила. Короны вызывают к людям!

– Жуть какая.

– Нет, нет. Просто такова уж она есть, корона. Ничего не может с собой поделать.

– Но это магия!

– Такова уж корона, – повторила госпожа Ветровоск.

– Она пытается заставить меня ее примерить, – сказала Маграт, уже протягивая руку к вещи.

– Да.

– Но я должна быть стойкой.

– Я тоже так думаю, – заверила матушка с внезапно одеревеневшим лицом. – Чем там Гита занята?

– Подмывает ребенка в раковине, – рассеянно ответила Маграт. – Но как нам тогда спрятать такую вещь? Зарыть где-то очень глубоко?

– И ее выкопает барсук, – устало предсказала матушка. – Или случайный золотоискатель. Или вокруг нее прорастут корни дерева, дерево повалит бурей, кто-нибудь наткнется на ствол, подберет корону...

– Если только он не такой же стойкий, как мы, – отметила Маграт.

– Разумеется, – поддакнула матушка, разглядывая свои ногти. – Хотя главная трудность с коронами не в том, как их надеть, а как их снять.

Маграт взяла венец и повертела в руках.

– Вообще-то не сильно он похож на корону.

– Так понимаю, ты много их перевидала, – заметила госпожа Ветровоск. – И конечно, стала экспертом.

– Вообще-то немало. Обычно на них больше драгоценных камней и такие кусочки ткани посередине, – уперлась Маграт. – А эта невзрачная какая-то...

– Маграт Чесногк!

– Но ведь правда. Когда я училась у тетушки Вемпер...

– Земляейпухом.

– ...земляейпухом, она брала меня с собой в Захребетье или Ланкр всякий раз, как в город приезжали бродячие актеры. Очень уж любила смотреть, как разыгрывают представления. Так вот, у актеров среди реквизита корон больше, чем у дурака махорки, хотя... тетушка говорила, что они из жести и бумаги. А драгоценные камни – просто стекляшки. Но право, выглядели те короны куда внушительнее, чем эта. Не странно ли?

– А подделки часто убедительнее оригиналов, это все знают, – ответила матушка. – Но я бы не стала поощрять подобное ремесло. Кого они там разыгрывают в своих коронах?

– Ты не знаешь, что такое театр? – переспросила Маграт.

Госпожа Ветровоск, которая в жизни бы не призналась, что чего-то не знает, тут же заварила:

– Знаю. Это ж ваши новомодные штуки, не так ли?

– Тетушка Вемпер говорила, что театр – зеркало жизни, – продолжила Маграт. – Повторяла, что игра всегда поднимает ей настроение.

– Конечно, – подхватила матушка Ветровоск. – Чего ж не радоваться приличной игре. Эти игруны-то хорошие люди?

– Думаю, да.

– И бродят по стране, говоришь? – задумчиво повторила матушка, глядя на дверь судомойной.

– Повсюду. Я слышала, сейчас в Ланкре как раз остановилась одна труппа. Сама, конечно, не видела. – Маграт опустила глаза. – Негоже женщине в одиночку ходить в такие места.

Госпожа Ветровоск кивнула. Она глубоко одобряла подобные правила, разумеется, до тех пор, пока их не пытались применить к ней самой.

Матушка побарабанила пальцами по скатерти Маграт.

– Точно. Почему бы нет? Ступай скажи Гите, чтобы хорошенько укутала ребенка. Давненько я не видала хорошей игры в театр.

* * *

Маграт, как обычно, пребывала в восторженном состоянии. Театр представлял собой всего лишь несколько кусков разрисованной мешковины, деревянные доски на бочках и полдюжины скамеек на площади. Но в то же время умудрялся превращаться в Замок, Другую часть замка, Там же, только позднее, Поле боя – а ныне и вовсе изображал Дорогу за городом. И все было бы идеально, кабы не госпожа Ветровоск.

Несколько раз глянув на оркестрик из трех человек в попытках определить, кто же там кого разыгрывает, старая ведьма наконец обратила внимание на сцену. И постепенно Маграт стало ясно, что некоторые фундаментальные аспекты театра матушка пока не уловила.

В настоящий момент госпожа Ветровоск буквально кипела от ярости.

– Он же его убил, – прошипела она. – Почему никто и бровью не ведет? Он его убил! Прямо у всех на глазах!

Маграт отчаянно вцепилась в руку коллеги, не давая той вскочить.

– Все в порядке, – шепотом заверила молодая ведьма. – Он не умер.

– Я тебе что, лгуныя какая? – огрызнулась госпожа Ветровоск. – Я ж сама видела!

– Матушка, это все не по-настоящему, понимаете?

Госпожа Ветровоск немного поутихла, но продолжала ворчать себе под нос. Ее мучило нехорошее подозрение, что из нее пытаются сделать дуру.

На сцене завернутый в простыню мужчина как раз с чувством декламировал монолог. Матушка послушала несколько минут, затем пихнула Маграт в бок.

– Чего это он там?

– Говорит, как жалеет о смерти того человека, – пояснила молодая ведьма и поспешно сменила тему: – А тут куча корон, не так ли?

Но матушку так легко было не отвлечь.

– Так чего ж он тогда его убил?

– Все немного сложно... – вяло попыталась оправдаться Маграт.

– Стыд какой! – возмутилась матушка. – А тот мертвый бедолага так и валяется неприкаянный!

Маграт умоляюще посмотрела на нянюшку Ягт, но та жевала яблоко и буравила сцену взглядом ученого-исследователя.

– Я *думаю*, – медленно сказала нянюшка, – это все не взаправду. Глянь, он еще дышит.

Остальная публика к этому моменту уже решила, что комментарии ведьм – это часть представления, и дружно уставилась на «труп». Тот покраснел.

– И на башмаки его посмотри, – критически продолжила нянюшка. – Настоящий король со стыда бы сгорел в таких ходить.

«Труп» попытался незаметно спрятать ноги за картонный куст.

Матушка, каким-то неясным образом ощутив, что одержала небольшую победу над поставщиками неправды и подделок, выудила из сумки яблоко и со свежим интересом продолжила следить за представлением. Маграт немного успокоилась и попыталась насладиться игрой. Как оказалось, роскошь длилась недолго. Добровольное погружение в иллюзии в очередной раз прервал голос:

– А сейчас чего происходит?

Маграт вздохнула.

– Ну *тот* человек думает, что вот *тот* принц, а на самом деле это дочь короля, одетая мужчиной.

Матушка смерила лицедея долгим взглядом.

– Так он и есть мужчина. Просто соломенный парик напялил и говорит писклявым голосом.

Маграт поежилась. Она знала кое-какие условности театра и вот конкретно эту обсуждать боялась. Ибо у матушки Ветровоск имелись определенные Взгляды.

– Да, – заюлила молодая ведьма, – но понимаете, это же театр. Все женские роли играют мужчины.

– Почему?

– Женщинам не разрешается выступать на сцене, – тонким голосом выдавила Маграт и зажмурилась.

Однако никакого взрыва с места слева не последовало. Маграт рискнула посмотреть в ту сторону.

Матушка мусолила все тот же кусочек яблока, не сводя глаз со сцены.

– Не нагнетай, Эсме, – сказала нянюшка, которая также знала про Взгляды госпожи Ветровоск. – Вполне себе разумное правило. Думаю, я его понимаю.

Кто-то похлопал матушку по плечу и сказал:

– Мадам, вы не могли бы снять свою шляпу?

Госпожа Ветровоск медленно развернулась, словно по воле неких скрытых механизмов, и пронзила невежу ослепительным взглядом мощностью в сто киловатт. Мужчина тут же съёжился и сгорбился на своем месте.

– Нет, – припечатала матушка, не отрывая от него глаз.

Мужчина прикинул шансы на успех и ответил:

– Хорошо.

Госпожа Ветровоск повернулась обратно и кивнула актерам, что аж прервались, засмотревшись на зрелище.

– Чего пялитесь? – проворчала она. – Давайте дальше.

Нянюшка Ягг передала ей кулек.

– Мятную конфету хочешь?

В самодельном театре вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь робкими голосами актеров, что то и дело косились на напряженную фигуру госпожи Ветровоск, и звуком бесконечно перекатывающихся в двух ртах мятных конфет.

– Тот человек им что-то шепчет! – внезапно взвизгнула матушка, да так, что один из лицедеев выронил деревянный меч.

– Это суфлер, – пояснила Маграт. – Подсказывает им, что говорить.

– А они что, сами не могут?

– Похоже, что-то их все время отвлекает, – едко ответила Маграт.

Матушка пихнула нянюшку Ягг.

– Что сейчас происходит? В честь чего собрались все эти короли и подданные?

– Так понимаю, у них пир, – авторитетно заявила нянюшка. – В честь покойного короля, ну того, в паршивых башмаках. Кстати, если приглядишься, он сейчас притворяется солдатом. Все произносят речи, каким славным парнем он был, и гадают, кто же его прикончил.

– Серьезно? – мрачно переспросила госпожа Ветровоск.

Окинула взглядом актеров, выискивая убийцу.

Приняла какое-то решение.

И встала.

Черная шаль развевалась вокруг нее, точно крылья ангела мщения, что спустился в наш мир, дабы избавить его от всяческой глупости, притворства и позора. Матушка словно даже стала выше ростом. Она ткнула обвиняющим перстом в убийцу и триумфально воскликнула:

– Он это сделал! Мы все видели! Заколол его кинжалом!

По окончании выступления довольные зрители шеренгами потянулись на выход. В целом пьеса показалась им удачной, хотя иной раз за сюжетом было непросто уследить. Зато походили от души, когда все короли дернули врассыпную под вопли вскочившей дамы в черном. Уже один этот момент оправдывал цену билета.

Три ведьмы в одиночестве уселись на краю сцены.

– И как только всех этих королев и лордов уговорили прийти сюда и кривляться? – ни разу не смутившись, спросила матушка. – Я-то думала, они занятые люди. Правят там чем-то и все такое.

– Нет, – устало ответила Маграт. – Похоже, вы так ничего и не разглядели.

– Так сейчас гляну в самую суть, – рявкнула матушка, прошла в глубь сцены и отдернула дерюжный занавес. – Ты! Ты же помер!

Незадачливый бывший труп, что как раз ради успокоения нервов жевал бутерброд с ветчиной, навзничь грохнулся со стула.

Госпожа Ветровоск пнула куст, и башмак прошел прямо сквозь него.

– Видите? – обратилась она к миру до странного довольным тоном. – Все обман! Просто краска, палки и бумага сзади.

– Милые дамы, я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил насыщенный, чудный, медово-коричный голос. Каждый дифтонг восхитительно перекачивался на языке обладателя. Если бы у Творца мультивселенной был голос, то именно такой. Подобный голос имел лишь один недостаток – к примеру, уголь с ним не купить. Заказанный им уголь превратился бы в бриллианты.

И похоже, принадлежал сей голос крупному пузатому мужчине с огромными усами. Переплетения розовых сосудов на его щеках смахивали на карту крупного города, а нос без труда затерялся бы в миске с клубникой. Незнакомец носил потертый камзол и дырявые чулки, но с таким апломбом, будто обычно одевался в бархат и меха, да вот незадача, как раз отдал их в чистку. В одной руке мужчина держал полотенце, которым явно стирал грим, – остатки краски все еще искажали его черты.

– О, а я тебя знаю, – подала голос матушка. – Ты же того беднягу убил. – Затем искоса зыркнула на Маграт и ворчливо прибавила: – По крайней мере, так оно выглядело.

– Я так рад. Всегда приятно встретить истинного ценителя. Ольвин Витоллер, к вашим услугам. Импресарио этой кучки бродяг, – представился мужчина и, сдернув свою побитую молю шляпу, согнулся в глубоком поклоне – впрочем, походило это не столько на проявление вежливости, сколько на упражнение из области продвинутой топологии.

Шляпа выписала ряд замысловатых дуг и наконец остановилась наверху воздетой к небу руки. Одна из ног тем временем отодвинулась в сторону. Остальное тело учтиво обмякло так, что голова оказалась где-то на уровне колен госпожи Ветровоск.

– Ну-ну, – промямлила матушка, чувствуя, что одежда почему-то стала немного теснее и жарче.

– Мне вы тоже очень понравились, – сообщила нянюшка Ягг. – Так здорово на них всех орали. Я бы приняла вас за короля.

– Надеюсь, мы не слишком помешали, – повинилась Маграт.

– Моя дорогая леди, могу ли я прежде заметить, какое счастье простому фигляру узнать, что его публика способна видеть дух за невзрачной маской грима?

– Думаю, да. Вы можете говорить что угодно, господин Витоллер, – заверила матушка.

Он вновь надел шляпу, и они с госпожой Ветровоск смерили друг друга долгими оценивающими взглядами как два профессионала своего дела. Витоллер сдался первым и постарался сделать вид, что вовсе не соревновался.

– А теперь позвольте узнать, чем я обязан визиту трех столь очаровательных дам?

И вот так он выиграл. Матушка только рот раскрыла. Она в жизни не претендовала на что-то значительнее «симпатичной» и «заметной». Это нянюшка по отсутствию зубов могла соперничать с новорожденным и имела лицо столь же сморщенное, как изюм. Про Маграт в лучшем случае можно было сказать, что она в достаточной мере невзрачна, а по формам напоминает гладильную доску с парой горошин, пусть даже голова у нее набита всякими романтическими бреднями. Матушка ощутила воздействие какой-то магии, причем совершенно непривычной.

Всему виной был голос Витоллера. Одна манера произношения волшебным образом преобразовала любые его слова.

«Только глянь на нас, прихорашиваемся, как две монашки», – одернула себя матушка, перестала приглаживать свой железобетонный пучок и выразительно прокашлялась.

– Мы хотели бы поговорить с вами, господин Витоллер. – Указала на актеров, что разбирали декорации и старались держаться подальше от нее, и добавила заговорщическим шепотом: – Наедине.

– Ну конечно, дорогая леди. В настоящий момент я снимаю комнату в уважаемом питейном заведении.

Ведьмы огляделись. Наконец Маграт рискнула предположить:

– Вы про тот паб?

* * *

В Большом зале Ланкрского замка было холодно и неудобно, а мочевого пузыря нового камергера здоровее не становился. Слуга стоял и извивался под взглядом леди Флем.

– О да, – заверил он. – У нас их много. Множество.

– И люди ничего не предпринимают? – спросила герцогиня.

Камергер удивленно моргнул.

– Простите?

– Люди их терпят?

– Конечно, – радостно сообщил камергер. – Считается добрым знаком, если у вас в деревне живет ведьма. Уж поверьте.

– Почему?

Камергер замялся. Последний раз он обращался к ведьме за помощью из-за некоторых проблем с прямой кишкой, что превратили посещения уборной в ежедневную пытку. Благодаря горшочку с мазью жизнь страдальца стала куда легче.

– Они помогают разрешить разные жизненные трудности.

– Там, откуда я родом, мы ведьм не терпим, – твердо отрезала герцогиня. – И здесь им хозяйничать не позволим. Предоставишь нам их адреса.

– Адреса, миледи?

– Где они живут. Так понимаю, уж сборщикам налогов эта информация известна?

– А, – несчастно протянул камергер.

Герцог подался вперед на троне:

– Они же платят налоги?

– Ну не совсем *платят*, милорд...

Повисло молчание. Наконец герцог не выдержал:

– Продолжай.

– В смысле, совсем *не* платят. Мы никогда не требовали, да и старый король не думал...

В общем, они не платят.

Герцог накрыл рукой ладонь супруги.

– Понятно, – холодно сказал он. – Очень хорошо. Ступай.

Камергер с облегчением отвесил короткий поклон и, пятясь, покинул зал.

– Ну и ну! – воскликнула герцогиня.

– Согласен.

– Это вот так ваша семья управляла королевством? Да ты просто обязан был убить своего кузена, хотя бы в интересах рода. Слабые не заслуживают жизни.

Герцог поежился. Теперь жена до конца дней будет напоминать о случившемся. В целом Флем не возражал против убийств, особенно если просто отдавал приказ, а выполняли его другие. Но убийство родича положительно торчало у него как нож поперек горла или – как он припомнил точнее – в печени.

– Именно так, – выдавил герцог. – Разумеется, следует помнить, что в стране множество ведьм, и будет непросто найти тех трех, с болота.

- Это не имеет значения.
- Конечно.
- И возьми дело в свои руки.
- Да, любовь моя.

Взять дело в свои руки. Он и так уже влип в это по уши. Стоило закрыть глаза, как в памяти возникала картина: тело короля летит вниз по лестнице. Не почудился ли Флему тяжелый вздох в темном углу? Нет, они с женой остались одни. Взять дело в свои руки! Да он их еле отмыл. Ему казалось, что если смыть с рук кровь, то вроде как ничего и не было. И Флем тер и тер ладони, пока не закричал от боли.

* * *

В общественных заведениях матушка чувствовала себя неудобно; вот и теперь с деревянной спиной сидела за стаканчиком портвейна, отгородившись им словно щитом от всех соблазнов мира.

А вот нянюшка Ягг охотно допивала уже третью рюмку. Госпожа Ветровоск недовольно подумала, что такими темпами все закончится обычными для подруги танцами на столе, задиранием юбок и распеванием «До зада ежа никому не добратся».

Стол был усыпан медными монетами. Витоллер с женой сидели друг напротив друга и наперегонки подсчитывали выручку.

Матушка присмотрелась к госпоже Витоллер, когда та выхватила фартинг из-под пальцев мужа. Явно неглупая дама, да и мужем заправляет, как овчарка любимым ягненком. Госпожа Ветровоск имела лишь общее представление о перипетиях супружеской жизни, примерно как астроном о далеких планетах и других мирах, однако уже сообразила, что супруга Витоллера обладает неисчерпаемыми запасами терпения, исключительными организаторскими способностями и ловкими руками.

– Госпожа Витоллер, могу я позволить себе вольность и спросить: ваш брак принес плоды?

Пара воззрилась на матушку.

– Она имеет в виду... – начала нянюшка Ягг.

– Нет, я поняла, – тихо перебила госпожа Витоллер. – Нет. Когда-то у нас была девочка.

Словно небольшое облако повисло над столом. Пару секунд Витоллер казался почти обычного сложения и намного старше возрастом. Он уставился на горку монет перед собой.

– Дело в том, что у нас есть ребенок, – пояснила госпожа Ветровоск, указывая на дитя в руках нянюшки. – И ему нужен дом.

Витоллеры посмотрели на малыша. Затем импресарио вздохнул.

– Актерская жизнь не для детей. Вечные переезды. Вечно новый город. Никакой возможности учиться – а говорят, в наши дни это важно. – Но взгляда не отвел.

– А почему ему вдруг понадобился дом? – спросила госпожа Витоллер.

– У него нет собственного, – пояснила матушка. – По крайней мере, такого, где ему были бы рады.

Молчание затянулось. Наконец госпожа Витоллер спросила:

– А вы просите об этом, потому что являетесь ему...

– Крестными, – быстро ответила нянюшка Ягг. Матушка слегка опешила – ей и в голову не пришло, что потребуется объяснение.

Витоллер рассеянно играл монетами. Жена потянулась через стол и коснулась его руки. Между супругами слово произошел некий безмолвный разговор. Матушка отвела взгляд. За свою жизнь она научилась читать лица людей, но иногда – вот в такие моменты – предпочитала этим не заниматься.

– Увы, у нас туговато с деньгами... – начал Витоллер.

– Но в целом хватит, – твердо договорила его жена.

– Да. Думаю, хватит. Мы с радостью о нем позаботимся.

Матушка кивнула и закопалась в самые глубины своего плаща. Выудив небольшой кожаный мешочек, она бросила его на стол. Внутри было много серебра и даже несколько золотых монеток.

– Этого хватит на... – она поискала нужные слова, – ...пеленки, распашонки и все такое?

– На сто раз да с лихвой, – слабо промямлил Витоллер. – Чего ж вы сразу не сказали?

– Если б мне пришлось вас покупать, вы бы того не стоили.

– Но вы же нас вообще не знаете! – воскликнула госпожа Витоллер.

– Верно, – спокойно подтвердила матушка. – Разумеется, мы хотели бы получать весточки о малыше. Отправляйте нам письма и все такое. Однако о нашем разговоре молчок, ясно? Ради блага ребенка.

Госпожа Витоллер посмотрела на двух старших женщин.

– Тут же не все чисто, да? За вашей просьбой кроется нечто большее?

Матушка поколебалась, но затем кивнула.

– И нам лучше не знать, что именно?

Еще кивок.

Несколько актеров вошли в зал, нарушив атмосферу. Есть у лицедеев дурная привычка заполнять собой все пространство.

Матушка поднялась на ноги.

– Прошу меня извинить, дела.

– Как его зовут? – спросил Витоллер.

– Том, – без запинки ответила госпожа Ветровоск.

– Джон, – одновременно с ней сказала нянюшка. Две ведьмы обменялись взглядами. Матушка победила.

– Томджон, – постановила она и вышла прочь.

Снаружи матушка встретила запыхавшуюся Маграт.

– Я нашла коробку, где они держат все короны и прочий хлам, – отчиталась юная ведьма. – Сунула нашу в самый низ, как вы и велели.

– Хорошо.

– Наша-то совсем невзрачная рядом с остальными!

– Занятная ирония, не так ли? Тебя никто не видел?

– Нет, все были слишком заняты, но... – Маграт осеклась и покраснела.

– Выкладывай, девочка.

– Сразу после этого подошел какой-то мужчина и ущипнул меня за попу. – Маграт стала цвета свеклы и прикрыла рот рукой.

– Серьезно? А потом что?

– Потом... потом...

– Ну?

– Он сказал... сказал...

– Да что ж он там сказал?

– «Привет, красотка, что делаешь сегодня вечером?»

Матушка какое-то время размышляла над услышанным, а потом спросила:

– А тетушка Вемпер редко выбиралась из дома, да?

– У нее нога болела, – ответила Маграт.

– Но она же научила тебя повивальному делу?

– А, да. Им я частенько занималась.

– Но... – Госпожа Ветровоск помялась, ступая на непривычную территорию. – Она никогда не говорила о том, что *предшествует* деторождению?

– Простите?

– Ну знаешь, про мужчин и все такое, – намекнула матушка, уже слегка отчаиваясь.

Маграт, похоже, тема привела на грань паники.

– А что с ними такое?

Матушке за свою жизнь приходилось делать много чего непривычного, и пасовать перед трудностями она не любила. Но на сей раз предпочла отступить.

– Думаю, тебе стоит перемолвиться об этом с нянюшкой Ягг. Да поскорее, – беспомощно заключила она.

Из окна паба донесся взрыв смеха, звон стаканов, и тонкий голос завел:

– ...с жирафом, если встать на стул. Но вот с ежом...

– Только не сейчас, – предупредила матушка Маграт, стараясь не прислушиваться к песне.

* * *

Труппа отправилась в путь за несколько часов до заката; четыре повозки вперевалочку двинулись в сторону долины Сто и крупных городов. В Ланкре существовал закон, согласно которому всем фиглярам, шарлатанам и прочим потенциальным мошенникам предписывалось до заката убраться за стены города; впрочем, данное постановление никого особо не задевало, так как настоящих стен город не имел, да и никто не возражал, если люди тайком прошмыгивали обратно с наступлением темноты. Главное – соблюсти внешние приличия.

Ведьмы наблюдали за отъездом из хижины Маграт с помощью древнего зеленого хрустального шара нянюшки Ягг.

– Пора бы тебе научиться вызывать изображения со звуком, – проворчала матушка и потрясла шар, отчего по картинке пошла рябь.

– В этих повозках все такое странное, – заметила Маграт. – Весь их... реквизит! Бумажные деревья, всевозможные костюмы и, – она взмахнула руками, – огромное полотно с нарисованными на нем храмами и домами. Красота.

Госпожа Ветровоск только хмыкнула.

– Правда же удивительно, как эти люди в секунду становятся королями и вельможами? Почти магия.

– Маграт Чесногк, ты что такое говоришь? Это же просто краски и бумага, любому ясно.

Маграт было открыла рот, но прокрутила в голове примерный сценарий дальнейшего спора и решила промолчать.

– А где нянюшка? – спросила она.

– Лежит на лужайке. Ей немного нездоровится. – Словно в подтверждение, снаружи донесся голос нянюшки Ягг, во всю глотку распевавшей, как именно ей нездоровится.

Маграт вздохнула.

– Знаете, а были бы мы на самом деле крестными, нам бы полагалось преподнести ребенку три дара. Такова традиция.

– О чем ты, девочка?

– Три добрые ведьмы должны одарить ребенка тремя талантами. Ну знаете, вроде красоты, мудрости и счастья. Так полагалось в старые времена, – наредила Маграт.

– А, ты про имбирные домики и все такое, – отмахнулась матушка. – Прялки, тыквы, уколы пальцев о шипы роз? Никогда подобным не занималась.

Она задумчиво протерла шар.

– Да, но... – начала Маграт, но осеклась под взглядом матушки.

Ох уж эта Маграт. Витает среди своих тыкв. Готова всем стать доброй крестной за пару булавок. Но со светлой душой. Любит всяких пушистых зверьков и с ума сойдет от волнения, если птенец выпадет из гнезда.

– Ладно, чтоб тебе спокойнее жилось, – пробормотала матушка, к собственному удивлению, и взмахнула руками над изображением удаляющихся повозок. – Что там надо, богатство, красоту?

– Всего за деньги не купишь, да и если он пошел в отца, то с внешностью ему уже повезло, – внезапно посерьезнев, принялась рассуждать Маграт. – Может, мудрость? Что скажете?

– Мудрости ему придется набираться самому, – ответила матушка.

– Острый взор? Хороший голос? – С лужайки донесся надтреснутый, но полный воодушевления голос нянюшки Ягг, орущей в ночное небо: «У посоха волшебника есть шишка на конце».

– Нет, это не настолько важно, – громко заявила матушка. – Задействуй головологию. Не цепляйся за красоту и богатство. Это все пустяки. – Затем повернулась назад к шару и махнула рукой: – Сходи, пожалуй, за нянюшкой, раз уж нас должно быть трое.

Нянюшку привели и объяснили ей происходящее.

– Три подарка? – невнятно переспросила она. – С юных лет этим не занималась. Как сейчас помню... что ты делаешь?

Маграт металась по комнате, зажигая свечи.

– Ой, ну надо же создать магическую атмосферу!

Матушка пожала плечами, но воздержалась от комментариев даже пред лицом большого искушения. У каждой ведьмы свои причуды, а собрание все-таки проходило в доме Маграт.

– И чего мы ему подарим? – спросила нянюшка.

– Вот мы как раз и прикидывали, – сказала госпожа Ветровоск.

– О, я знаю, чего б он захотел, – заявила нянюшка и озвучила свою версию. Повисла глубокая потрясенная тишина.

– Не представляю, какая от *этого* может быть польза, – наконец обрела голос Маграт. – Ему же, наоборот, неудобно будет по жизни – ходить, сидеть и все такое.

– Еще спасибо нам скажет, когда подрастет, попомни мое слово, – заверила нянюшка. – Как любил сказывать мой первый муж...

– По традиции положено дарить нечто менее физиологическое, – перебила матушка, зыркнув на нянюшку Ягг. – Не смей все портить, Гита. И чего тыечно...

– По крайней мере, я могу сказать, что... – начала нянюшка.

Обе резко понизили голоса, а потом повисло долгое напряженное молчание.

– Мне кажется, – преувеличенно-радостно сказала Маграт, – что, наверное, лучше нам разойтись по домам и каждой поступить по-своему. Отдельно друг от друга. День был долгий, все устали.

– Хорошая мысль, – твердо постановила матушка и встала. – Идем, нянюшка Ягг, – рявкнула она. – День был долгий, все устали.

Маграт слышала, как они препирались, шагая прочь по тропинке.

Молодая ведьма грустно села среди цветных свечей, сжимая бутылочку чрезвычайно тауматургического ладана, которую заказала в лавке магических принадлежностей в далеком Анк-Морпорке. Ей не терпелось опробовать средство. Вот бы люди иногда были чуточку добрее, подумала Маграт.

Посмотрела на шар.

Что ж, можно начинать.

– Пусть он с легкостью заводит друзей, – прошептала она. Не бог весть какой дар, но сама Маграт никогда им не обладала.

Нянюшка Ягг, сидя в одиночестве у себя на кухне с огромным котом на коленях, налила себе стаканчик на сон грядущий и попыталась припомнить семнадцатый куплет из песни про ежика. Вроде бы что-то про коз, но не точно. Время стирало ее память.

Ведьма отсалютовала стаканом невидимому гостю.

– Чертовски хорошая память – вот что ему не помешает. Пусть помнит каждое слово.

Госпожа Ветровоск, идя в одиночку сквозь полночный лес, поплотнее закуталась в шаль и задумалась. День был долгий и весьма утомительный. А хуже всего – пресловутый театр. Люди, что притворяются кем-то другим, ненастоящие события, кусты, сквозь которые можно спокойно просунуть ногу... Матушка предпочитала иметь четкое представление о вещах, а это представление совершенно сбило ее с толку. Мир будто все время менялся.

А ведь не должен меняться так сильно. Это ставит в тупик.

Матушка поспешно двинулась сквозь тьму четким шагом человека, уверенного, что в такую влажную и ветреную ночь в лесу точно кроется нечто странное и пугающее.

– Пусть он станет тем, кем захочет, – пожелала она. – Самая заветная мечта любого человека в этом мире.

Как и большинство людей, ведьмы не сфокусированы на времени. Разница лишь в том, что они смутно сознают это и используют в своих целях. Ведьмы дорожат прошлым, ибо отчасти все еще живут в нем, а еще могут видеть тени, которые отбрасывает перед ними будущее.

Матушка как раз видела тень такого будущего, и оно таило в себе звон клинков.

* * *

Все началось на следующее утро, в пять часов. Четверо людей въехали в лес неподалеку от хижины матушки, спешили за пределами слышимости и очень осторожно пошли сквозь туман.

Их сержант с опаской отнесся к приказу. Он сам был уроженцем Овцепиков и не особо представлял, как арестовывать ведьму. Уж явно она такому повороту не обрадуется. А тогда и ему станет нерадостно.

Прочие солдаты также были местными. Они по пятам следовали за командиром, готовые спрятаться за ним при первом же появлении чего-то более неожиданного, чем обычное дерево.

Хижина госпожи Ветровоск торчала в клубах тумана, точно огромный гриб. Непослушный садик шевелился даже при полном штиле. Там росли травы, которых больше в горах нигде не встретишь; их корни и семена, прежде чем оказаться здесь, преодолели пять тысяч миль по землям Плоского мира, и сержант мог поклясться, что пара цветов обернулась при его появлении. Бедняга поежился.

– Что теперь, сержант?

– Мы... мы рассредоточимся. Да. Рассредоточимся. Именно.

Они осторожно двинулись через папоротник. Сержант скрючился за удобным бревном и сказал:

– Так. Очень хорошо. Общий принцип вы уловили. А теперь снова рассредоточимся, только уже каждый поодиночке.

Солдаты немного поворчали, но послушно исчезли в тумане. Сержант дал им пару минут занять позиции.

– Так. Теперь мы... – громко начал он и осекся.

Стоит ли так кричать? Пожалуй, не стоит.

Сержант встал, снял шлем в знак уважения, бочком подошел по мокрой траве к задней двери и тихонько постучал.

Выждав пару секунд, нахлобучил шлем обратно и со словами «какая жалость, никого нет дома» пошел прочь.

Дверь открылась. Очень медленно и со всем возможным скрипом. Простая запущенность не смогла бы сотворить подобный эффект – нет, тут требовалась долгая и вдумчивая работа, а также горячая вода. Сержант остановился и медленно обернулся, стараясь задействовать в процессе как можно меньше мышц.

Проем зиял пустотой, что вызвало у сержанта смешанные чувства. По его опыту, двери не отворялись сами по себе.

Он нервно прочистил горло.

– Какой у тебя кашель нехороший, – произнес ему прямо на ухо голос матушки Ветровск. – Правильно сделал, что пришел ко мне.

Сержант глянул на нее с выражением полубезумной благодарности и булькнул:

– Ага.

* * *

– *Что* она сделала? – переспросил герцог.

Сержант старательно пялился куда-то правее трона.

– Дала мне чашку чая, сир.

– А твои люди?

– Их тоже угостила.

Герцог поднялся и обнял закрытые ржавой кольчугой плечи сержанта. У правителя было плохое настроение. Половину ночи он намывал руки. Ему все чудилось, будто кто-то шепчет ему на ухо. Овсяная каша на завтрак оказалась слишком соленой и почему-то запеченной с яблоком, а у повара на кухне случилась истерика. В общем, герцог пребывал в чрезвычайно дурном расположении духа, однако сохранял внешнюю учтивость. Флем был из тех людей, что, выходя из себя, становятся все милее и милее, пока не достигнут точки, когда фразой «большое вам спасибо» могут сразить не хуже гильотины.

– Сержант, – начал он, медленно ведя слугу по залу.

– Да, сир?

– Я подозреваю, что не слишком ясно выразился, отдавая тебе приказ, – сказал герцог вкрадчивым тоном.

– Сир?

– Вероятно, я ввел тебя в заблуждение. Хотел сказать «приведите мне ведьму, если понадобится – то в кандалах», а на самом деле почему-то поручил сходить попить с ней чаю. В этом загвоздка?

Сержант наморщил лоб. До сих пор сарказм ни разу не посещал его жизнь. Все прежние эпизоды, когда сержант чем-то раздражал людей, обычно заканчивались банальными криками и погромами.

– Нет, сир.

– Тогда позволь узнать, почему же ты не сделал, как я приказал?

– Сир?

– Так понимаю, она тебя зачаровала? Я кое-что выяснил об этих ведьмах, – сказал герцог, который всю прошлую ночь, пока забинтованные руки не начали трястись, штудировал самые примечательные труды по означенному вопросу³. – Полагаю, она сбила тебя с толку обещаниями неземного наслаждения? Показала, – герцог содрогнулся, – запретные прелести и соблазны, о коих смертным и помыслить негоже, открыла демонические тайны, что унесли тебя к самым потаенным глубинам человеческих желаний?

³ Написанные волшебниками, что хранили celibat, и которых ближе к четырем часам утра посещали довольно забавные идеи.

Герцог рухнул на скамью у окна и принялся обмахиваться платком.

– Сир, вы в порядке? – осведомился сержант.

– Что? Да, совершенно.

– Просто вы так покраснели.

– Не меняй тему, слуга, – рявкнул герцог, немного придя в себя. – Признай – она предложила тебе гедонистические и безнравственные наслаждения, известные лишь тем, кто поднаторел в плотских искусствах?

Сержант встал по стойке «смирно».

– Нет, сир, – заверил он от всего сердца. – Она предложила мне булочку.

– Булочку?

– Да, сир. Со смородиной.

Флем застыл, отчаянно пытаясь обрести внутренний покой. Наконец он смог выдавить:

– И как на это отреагировали твои люди?

– Им тоже дали по булочке. Всем, кроме юного Роджера, ему нельзя есть ягоды из-за проблем со здоровьем.

Герцог обмяк и прикрыл глаза ладонью. «А ведь я был рожден править на равнинах, где нет холмов, нет этой чертовой погоды, а люди не сделаны из глины. Он же сейчас точно мне расскажет, что досталось этому самому Роджеру».

– Ему дали бисквит, сир.

Герцог устался на деревья. Он был зол. Крайне зол. Но двадцать лет брака с леди Флем научили его не просто владеть собой, но и контролировать инстинкты, и лишь дрогнувшая мышца на лице могла выдать напряженную умственную работу. Кроме того, из темных глубин подсознания всплыла совершенно неуместная эмоция. Любопытство, точно акула, выставило плавник на поверхность.

Герцог уже пятьдесят лет умудрялся жить, не испытывая любопытства. Не слишком уместная черта для аристократа. Уверенность куда полезнее. Тем не менее сейчас герцогу пришло в голову, что и от любопытства может быть польза.

Сержант стоял посреди зала с бесстрастным видом человека, что ждет приказа и готов ждать его до тех пор, пока не окажется в другом месте в силу континентального дрейфа. Он много лет находился на не слишком обременительной службе у королей Ланкра, и это начинало сказываться. Если тело в основном еще могло вытягиваться по струнке, то живот слушался лишь гравитацию.

Взгляд герцога упал на шута, что примостился у трона на своем стульчике. Сгорбленная фигурка смущенно вскинулась и звякнула колокольцами.

Герцог принял решение. Как он уже обнаружил, путь к прогрессу заключается в поиске слабых мест. Прогнав мысль, что таковые места включают в себя королевские почки на темной лестнице, правитель взял себя в руки.

...руки. Он все тер их и тер, но, похоже, без толку. Даже спустился в темницы и одолжил у палачей одну из проволочных щеток. Тоже не помогло. Даже хуже стало. Чем больше герцог тер руки, тем больше на них выступала кровь. Он боялся, что сойдет с ума...

Герцог подавил тревожные мысли. Слабые места. Точно. Вот шут как раз казался целиком и полностью слабым местом.

– Можешь идти, сержант.

– Сир, – отозвался тот и промаршировал к выходу.

– Шут?

– Чегось вам помолвить, сир? – нервно спросил дурак и ударил по струнам своей чертовой мандолины.

Герцог сел на трон.

– Меня и так уже помолвили, двадцать лет назад. Дай мне совет.

– Ей-ей, дяденька...

– Никакой я тебе не дяденька. Такого родича я бы точно не забыл, – заверил лорд Флем и наклонился так, что оказался нос к носу с удивленным шутом. – Еще раз ляпнешь свои «дяденьку», «ей-ей» или «помолвку» – накажу.

Шут беззвучно пошевелил губами, затем спросил:

– А «звиняйте» можно?

Герцог знал, когда дать поблажку.

– «Звиняйте» я переживу. И ты тоже. Но никаких уловок. – Он ободряюще улыбнулся. – Давно ты в шутах, парень?

– Звиняйте, любезный...

– Про любезного не надо, – перебил герцог, подняв руку.

– Звиняйте, лю...дей наших повелитель, – быстро выкрутился шут и нервно сглотнул. – Да всю жизнь. Уж семнадцать лет как свой пузырь на палке ношу. А до меня служил мой отец. И дядька мой вместе с ним. А до них – мой дед. А его...

– То есть все мужчины твоего рода шуты?

– Семейная традиция, сир. Звиняйте.

Герцог снова улыбнулся, но шут был слишком взволнован и не подметил, сколько зубов обнажил властитель.

– Ты же из здешних мест, не так ли? – спросил Флем.

– Ей... да, сир.

– И знаешь местные поверья и все такое?

– Полагаю, так, сир. Звиняйте.

– Хорошо. Где ты спишь, шут?

– На конюшне, сир.

– Отныне можешь спать в коридоре у моих покоев, – благосклонно разрешил герцог.

– Ого!

– А теперь, – вкрадчиво сказал герцог, роняя слова, точно капли патоки вокруг пудинга, – расскажи мне о ведьмах...

* * *

Той ночью шут улегся на твердых каменных плитах в продуваемом всеми ветрами коридоре над Большим залом. И это вместо теплой соломы конюшен!

– Глупость какая, – сказал он себе. – Ей-ей, невозможная глупость!

Шут провалился в подобие дремы, где какая-то неясная фигура все пыталась привлечь к себе внимание, и лишь краем уха улавливал голоса супружеской пары по ту сторону двери.

– Ладно, так действительно меньше дует, – неохотно признала герцогиня.

Ее супруг откинулся в кресле и улыбнулся жене.

– Ну? – спросила она. – Где ведьмы?

– Похоже, камергер прав, дорогая. Ведьмы зачаровали местное население. Сержант вернулся с пустыми руками.

Руками... Герцог усилием воли прогнал назойливую мысль.

– Ну так казни его, – живо предложила герцогиня. – В назидание остальным.

– Боюсь, с такой практикой мы в итоге останемся с одним-единственным солдатом, которому придется перерезать собственную глотку себе же в назидание. Кстати говоря... как-то слуг во дворце стало меньше. Ты знаешь, обычно я не вмешиваюсь...

– Вот и не вмешивайся, – отрезала герцогиня. – Я самаправляю домом. И не терплю *мягкотелости*.

– Уверен, тебе лучше знать, но...

– Так что с ведьмами? Будешь просто стоять в сторонке, пока ростки грядущих проблем не укоренятся? Позволишь этим колдуньям одержать верх? Что с короной?

– Без сомнения, канула на дно реки, – пожал плечами герцог.

– А ребенок? Его *отдали* ведьмам? Они приносят в жертву людей?

– Похоже, нет, – ответил герцог. Герцогиню новость несколько расстроила.

– Эти ведьмы определенно зачаровывают людей, – заметил герцог.

– Естественно...

– Нет, не заклинаниями. Их уважают. Они врачуют людей. Как-то странно. Жители гор одновременно опасаются такого соседства и гордятся им. Похоже, выступить против ведьм не так уж просто.

– Я начинаю думать, что они и тебя зачаровать успели, – мрачно сказала герцогиня.

На самом деле герцог был заинтригован. Власть всегда имела для него некую темную притягательность – почему он, собственно, и женился на герцогине. Правитель уставился в очаг.

– А тебе и правда нравится, – заметила его супруга, опознав зловещую улыбку на губах мужа. – Чувство опасности. Помню, как мы только поженились; все эти затеи с плеткой...

Она щелкнула пальцами перед остекленевшими глазами герцога. Он выпрямился.

– Вовсе нет!

– Так что ты намерен делать?

– Ждать.

– Ждать?

– Ждать и наблюдать. Терпение – добродетель. – Герцог откинулся на спинку кресла. Улыбка на его устах застыла, точно ящерица, способная высидеть на камне миллион лет и не шелохнуться. А затем под глазом задержалась мышца. Сквозь повязки на руках герцога просачивалась кровь.

* * *

И вновь полная луна оседлала облака.

Госпожа Ветровоск подоила и покормила коз, выгребла золу из камина, набросила на зеркало покрывало и достала из угла метлу. Вышла, заперла за собой дверь и повесила ключ на гвоздь в уборной.

Этого было вполне достаточно. Лишь раз за всю историю Овцепиков вор вломился в дом ведьмы. Упомянутая ведьма отплатила ему страшной карой⁴.

Матушка села на метлу и пробормотала заклинание, впрочем, без особого энтузиазма. После пары бесплодных попыток спешила, повозилась с веревками и повторила слова. Подозрительный огонек вспыхнул на конце метлы и быстро погас.

– Вот зараза, – выругалась матушка себе под нос.

И осторожно огляделась – никто не заметил? Свидетелем оказался лишь вышедший на охоту барсук. Зверь высунул морду на топот и увидел, как матушка бежит по тропинке, давая разгон непокорному средству передвижения. Наконец магия сработала; ведьма успела неуклюже запрыгнуть на метлу и взмыла в ночное небо с грацией подстреленной утки.

Из вышины донеслись приглушенные ругательства в адрес всех гномов-механиков, вместе взятых.

⁴ Она ничего не делала, просто загадочно улыбалась ему каждый раз, как видела в деревне. Три недели спустя он не выдержал и покончил с жизнью; хотя скорее покончил с прошлой жизнью – прошел через весь континент, исправился и больше не возвращался домой.

Большинство ведьм предпочитало жить в уединенных хижинах с традиционной изогнутой каминной трубой и поросшей травой крышей. Госпожа Ветровоск одобряла такой подход: что толку быть ведьмой, если твое ремесло нельзя определить с первого же взгляда?

Нянюшка Ягг не особо заботило, знают про нее люди или нет, и уж совсем мало ее беспокоили их мысли. Она жила в новеньком, забитом безделушками коттедже посреди самого Ланкра, в сердце собственной империи. Многочисленные дочки и невестки, точно солдаты на караул, ходили к ней готовить и убираться. Все поверхности были заставлены украшениями, привезенными членами семьи из далеких земель. Сыновья и внуки следили, чтобы дрова были наколоты, крыша обшита дранкой, камин вычищен, бар полон, а кисет у кресла-качалки всегда набит табаком. Над очагом висела огромная табличка с выжженной на ней надписью «Мать». Еще ни одному тирану в мировой истории не удавалось достичь столь полного повиновения.

Нянюшка Ягг держала огромного кота, одноглазого серого оборванца по кличке Грибо, что проводил время за сном, едой и пополнением и без того обширной кошачьей популяции, не гнушавшейся кровосмешительством. Заслышав, как на заднем дворе неуклюже приземлилась матушка Ветровоск, кот открыл желтый глаз, больше напоминающий окно в ад, безошибочно определил в госте заядлую кошконенавистницу и беззвучно ретировался под кресло.

Маграт уже чопорно сидела у камина.

Одно из немногих непреодолимых магических правил гласило, что практикующие ведьмы не могут менять свой внешний вид. Их тела развивают что-то вроде инерции и неуклонно возвращаются к первоначальному облику. Однако Маграт не оставляла попыток преобразиться. Каждое утро ее волосы становились длинными, густыми и светлыми, но к вечеру упорно превращались в привычное гнездо. Чтобы смягчить эффект, молодая ведьма пыталась вплести в них фиалки и первоцвет, однако результат не отвечал ее ожиданиям. Создавалось впечатление, что на голову Маграт упал горшок с цветами.

– Добрый вечер, – поздоровалась матушка.

– Да озарит луна ваш путь, – вежливо ответила Маграт. – Какая приятная встреча. Да воссияют звезды на...

– Здоров! – крикнула нянюшка Ягг, и Маграт поморщилась.

Госпожа Ветровоск села и принялась вынимать шпильки, которыми крепила высокую шляпу к своему пучку. Как вдруг до нее дошло, что не так с молодой ведьмой.

– Маграт!

Та подскочила и прижала узловатые руки к чопорному подолу своего платья.

– Да? – отозвалась она дрожащим голосом.

– Что там у тебя на коленях?

– Мой фамильяр, – попыталась защититься Маграт.

– А с жабой что случилось?

– Сбежала, – пробормотала Маграт. – Все равно она мне не очень нравилась.

Матушка вздохнула. Маграт уже давно и безуспешно искала себе подходящего фамильяра, но невзирая на ее любовь и заботу, все они выказывали какой-нибудь критический изъян – например, норовили укусить, попасть под ноги или, в крайних случаях, обнаружить способность к метаморфозам.

– Пятнадцатый за этот год, – прикинула матушка. – Не считая того коня. И кто на сей раз?

– Камень, – хмыкнула нянюшка Ягг.

– Ну хоть имеет шанс задержаться, – сказала госпожа Ветровоск.

Камень вдруг вытянул небольшую голову на шее и одарил ведьму слегка озадаченным взглядом.

– Это черепаха, – поправила Маграт. – Я купила ее на рынке в Овцекряжье. Как заверил продавец, она ужасно старая и ей известно множество тайн.

– О, я его знаю, – оживилась матушка. – Он продает золотых рыбок, а они потом тускнеют пару дней спустя.

– Так или иначе, я хочу назвать ее Быстроножкой, – тепло сообщила Маграт. – И назову, раз хочу.

– Ладно, ладно, хорошо, – отмахнулась матушка. – Как дела, сестры? С нашей последней встречи прошло два месяца.

– А следовало бы видаться каждое новолуние и без отговорок, – твердо заметила Маграт.

– Так на него выпала свадьба младшего сына нашего Грэйма, как я могла пропустить! – возразила нянюшка Ягг.

– А я всю ночь просидела с больной козой, – быстро подхватила матушка.

– Ага, – с сомнением кивнула Маграт и порылась в сумке. – Ладно, если собираемся начать, давайте зажжем свечи.

Старшие ведьмы обменялись полными тоски взглядами.

– Но наша Трейси мне такую красивую лампу прислала, – невинно заявила нянюшка Ягг. – Да и всегда можно в камине пошурудить.

– У меня прекрасное ночное зрение, Маграт, – твердо сообщила госпожа Ветровоск. – Ты опять начиталась своих книжек. Этих, как их... гримеров.

– Гримуаров...

– И пол не смей разрисовывать, – предупредила нянюшка Ягг. – Нашей Дрин последний раз несколько дней пришлось отмывать эти... как их...

– Руны, – подсказала Маграт и умоляюще глянула на ведьм. – Ну хоть одну свечку-то зажечь можно?

– Ладно, – чуть смягчилась нянюшка. – Если тебе легче станет. Но только одну. Да смотри, приличную, белую. Никаких финтифлюшек.

Маграт вздохнула и поняла, что остальное содержимое сумки лучше не упоминать.

– Надо еще кого-нибудь приглашать. Что это за шабаш из трех ведьм?

– Я не знала, что мы по-прежнему собираемся на шабаш, мне никто не сказал, – фыркнула матушка. – В любом случае по эту сторону гор живет только старая мамаша Дипбаж, но она уже не выходит.

– Но множество девушек из моей деревни... – начала Маграт. – Они могут оказаться... ну знаете... восприимчивыми.

– Ты прекрасно знаешь, что так дело не делается, – недовольно ответила матушка. – Не люди приходят и обнаруживают в себе дар, дар сам их находит.

– Да, да, простите, – повинулась Маграт.

– Ладно уж, – слегка смягчилась госпожа Ветровоск. Сама она умение извиняться так и не осилила, однако ценила его в других людях.

– Что там новый герцог? – спросила нянюшка в попытке развеять атмосферу.

Госпожа Ветровоск села прямее.

– Спалил несколько домов в Дурном Заде. Из-за налогов.

– Какой ужас, – ахнула Маграт.

– Старый король Веренс тоже это практиковал, – заметила нянюшка. – Крайне вспыльчивый был мужчина.

– Он хотя бы давал людям сперва выйти из этих самых домов, – не согласилась матушка.

– Ага, – подхватила нянюшка, что всегда славилась заядлой роялисткой. – Какое благородство. Даже давал людям деньги на восстановление жилищ. Если вспоминал, конечно.

– А на каждую Ночь Всех Пустых выдавал олений бок, – с тоской вспомнила матушка.

– Точно. Очень ведьм чтит, – поддакнула нянюшка Ягг. – Если охотился на людей и встречал меня в лесу, всегда снимал шлем и справлялся о моем здоровье. А на следующий день присылал дворецкого с парой бутылок. Истинный король.

– Но охотиться на людей как-то не очень правильно, – заметила Маграт.

– В целом да, – согласилась матушка. – Однако он гонялся лишь за теми, кто совсем уж набедокурил. Говорил, им самим это приятно. И всегда отпускал, если прежде хорошенько за ними набегаются.

– А еще с ним это чудище лохматое носилось... – припомнила нянюшка Ягг.

Атмосфера в доме заметно изменилась. Стало теплее, темнее; уголки коттеджа наполнили тени безмолвного заговора.

– А его право сеньора, – совсем унеслась мыслями прочь матушка.

– Требуется постоянной практики, – кивнула нянюшка, глядя в огонь.

– Но на следующий день всегда присылал экономку с мешком серебра и корзиной вещей для свадьбы, – сказала госпожа Ветровоск. – Многие пары так получили хороший задел для новой жизни.

– И не пары тоже, – согласилась нянюшка.

– Истинный король, – повторила матушка.

– А вы о чем говорите? – подозрительно спросила Маграт. – Он что, кого-то содержал?

Обе ведьмы наконец вынырнули из глубин омута памяти. Матушка пожала плечами.

– Должна заметить, – строго начала Маграт, – для тех, кто с такой тоской поминает старого короля, вы как-то не особо переживаете, что его убили. В смысле, умер он при очень подозрительных обстоятельствах.

– Таковы уж короли, – ответила матушка. – Они приходят и уходят, хорошие и плохие. Его отец, например, отравил своего предшественника.

– Старый Фаргум, – припомнила нянюшка Ягг. – У него еще такая большая рыжая борода была. И весьма изящные манеры.

– Вот только нельзя говорить, что Флем убил короля, – предупредила Маграт.

– Почему? – удивилась матушка.

– Да он на днях уже казнил несколько людей в Ланкре за подобные разговоры. Заявил, мол, они распускали злые слухи. Предупредил, что инакомыслящих отправит в темницу, но ненадолго. Сказал, что Веренс умер от естественных причин.

– Так смерть от руки преемника – самая естественная вещь для короля, – заметила матушка. – Не понимаю, чего он так стесняется. Когда убили старого Фаргума, его голову насадили на пику, развели большой костер, и весь дворец неделю не просыхал.

– Помню, – подхватила нянюшка. – Протащили его голову по всем деревням в доказательство, что он помер. Весьма убедительно получилось. Особенно для него самого. Он улыбался. Думаю, так старик и хотел уйти.

– Похоже, за этим Флемом придется приглядывать, – решила матушка. – Он вроде чуть поумнее. Для короля это плохое качество. И не думаю, что он слышал об уважении.

– Ко мне на прошлой неделе приходил человек, спрашивал, не хочу ли я заплатить налоги, – сообщила Маграт. – Я отказалась.

– И ко мне заглядывал, – отозвалась нянюшка Ягг. – Но Джейсон и Уэйн вышли и разъяснили ему, что это не наша забота.

– Такой невысокий человечек, лысый и в черном плаще? – задумчиво уточнила матушка.

– Да, – хором ответили обе товарки.

– Ошивался у меня в малиннике, – сказала госпожа Ветровоск. – Только я вышла узнать, чего ему надо, припустил прочь.

– Ну вообще-то я дала ему пару пенсов, – призналась Маграт. – Он сказал, его палачу на пытки отдадут, если не заставит ведьм платить налоги...

* * *

Лорд Флем с опаской посмотрел на лежащие на колене две монетки.

Затем на сборщика.

– Ну?

Тот прокашлялся.

– Видите ли, сир... Я объяснил, что нам нужно содержать армию и все такое, они спросили зачем, я сказал из-за бандитов и все такое, а они ответили, что бандиты их не трогают.

– А строительные работы?

– Да. Точно. Я напомнил, что нам надо строить и поддерживать в рабочем состоянии мосты и все такое.

– И?

– Они сказали, что по мостам не ходят.

– А, – понимающе протянул герцог. – Они не могут пересечь водный поток.

– Не сказал бы, сир. Как по мне, ведьмы могут пересечь все, что им вздумается.

– Больше ничего не сказали?

Сборщик рассеянно помял подол одежды.

– Ну... я упомянул, как налоги помогают поддерживать общественный порядок...

– И?

– Сказали, пусть король сам у себя порядок наводит. А потом посмотрели на меня.

– Как именно? – переспросил герцог, подперев ладонью подбородок. Рассказ его определенно увлек.

– Сложно описать, – признался сборщик. Он старался избегать взгляда лорда Флема, иначе возникало смутное ощущение, будто плитки пола разлетаются во все стороны прямо из-под ног и уже покрывают несколько лишних акров. Пристальное внимание повелителя было так же приятно сборщику, как булавка коллекционера – редкой бабочке.

– Постарайся, – предложил герцог.

Сборщик покраснел.

– Ну... не очень дружелюбно.

Этот эпизод лишний раз доказывал, что сборщик гораздо лучше управлялся с цифрами, чем со словами. Если бы смущение, страх, плохая память и полное отсутствие воображения не вступили бы против него в сговор, бедняга сказал бы примерно следующее: «Когда я был маленьким и жил у тети, она наказала мне не трогать сметану и все такое. Убрала ее на верхнюю полку в кладовку, а я все равно взял табуретку и полез, когда тетя отлучилась из дома. Она вернулась, а я не заметил; я никак не мог как следует ухватить миску, и та разбилась об пол. Тетя открыла дверь и посмотрела на меня: вот такой же точно взгляд получился у ведьм. Но хуже всего то, что они об этом сходстве *знали*».

– Недружелюбно, – повторил герцог.

– Да, сир.

Герцог побарабанил пальцами левой руки по подлокотнику трона. Сборщик снова откашлялся.

– Вы... вы же не отправите меня назад к ним?

– А? – переспросил герцог и раздраженно отмахнулся. – Нет, нет. Вовсе нет. Просто заскочи сейчас к палачу, спроси, не сможет ли он тебя пристроить.

Сборщик благодарно глянул на правителя и поклонился.

– Да, сир. Сию минуту. Благодарю, сир. Вы так...

– Да, да, – рассеянно перебил лорд Флем. – Ступай. – И остался один в огромном зале.

Снова шел дождь. Время от времени отваливался очередной кусок штукатурки и разбивался о пол. Стены с хрустом оседали все сильнее. В воздухе пахло, как в старом погребе.

Боги, как же он ненавидел это королевство.

Такое крохотное, всего сорок миль в длину и, может, десять в ширину. Практически целиком суровые горы с льдисто-зелеными склонами и острыми пиками или густые дремучие леса. В таком королевстве в принципе не должно быть проблем!

А вот чего герцог уразуметь не мог, так это ощущение *глубины* ландшафта. Словно в нем заключалось слишком много географии.

Флем встал и прошел к балкону, откуда открывался непревзойденный вид на деревья. И зеленые исполины посмотрели на него в ответ.

Герцог буквально кожей ощущал недовольство. Странно, ведь народ не возражал против его правления. Они вообще редко против чего возражали. Веренс по-своему пользовался популярностью. На похороны собралось немало людей: Флем припомнил их торжественные лица. Неглупые. Совсем неглупые. Просто деловые, словно дела королей их не сильно занимали.

Это молчаливое безразличие раздражало герцога почти так же сильно, как деревья. Старый добрый бунт пришелся бы очень кстати. Можно было бы поймать и повесить кого-нибудь, нагнать грамотный драматизм, столь важный для правильного развития государства. Ведь как заведено на равнинах? Если ты кого-то пнул, тебя пнут в ответ. А здесь? Замахнешься на кого-то, а он просто отойдет в сторону и терпеливо дождется, когда ты промажешь. Как можно войти в историю, правя такими людьми? Да их подавить можно не больше, чем продавить матрас.

Он поднял налоги и сжег пару деревень, просто чтобы показать всем, с кем они теперь имеют дело. Вот только никто особо не проникся.

А теперь еще эти ведьмы. Мысли о них не давали герцогу покоя.

– Шут!

Дурак, что мирно дремал за троном, в ужасе проснулся.

– Да!

– Иди сюда!

Шут несчастно прозвякал куда было велено.

– Скажи, здесь всегда льет дождь?

– Помолвите, дяденька...

– Отвечай на вопрос, – перебил лорд Флем с железным терпением.

– Иногда прекращается, сир. Уступает черед снегу. А иногда случаются настоящие оргулярные туманы.

– Оргулярные? – рассеянно переспросил герцог.

Шут не смог сдержаться и в ужасе услышал, как слова сами вырвались изо рта:

– Густые, милорд. От латинского «оргулум», что значит «суп, бульон».

Но герцог не слушал. По его опыту, болтовня подданных не стоила внимания.

– Мне скучно, шут.

– Так позвольте развлечь вас веселыми остротами и легкими шутками.

– Валяй.

Шут облизал пересохшие губы. Он не ожидал такого поворота событий. Королю Веренсу хватало просто пнуть его или запустить бутылку в голову. *Истинный* король.

– Я жду. Рассмеши меня.

И шут отважился.

– Что ж, любезный, – проквашал он, – ответь: в каком месте закормленная лошадь родня горящей свечке?

Герцог нахмурился. Шут решил не испытывать судьбу и не тянуть с ответом.

– А в таком: первая заплывала, а вторая оплыла! – сообщил он и, раз уж это было частью шутки, слегка постучал Флема по голове своим пузырем на палке и брякнул на мандолине.

Указательный палец герцога отбил стаккато по подлокотнику трона.

– И что дальше?

– Эм, да, собственно, ничего, – признался шут и прибавил: – Мой дед считал эту шутку одной из своих лучших.

– Подозреваю, рассказывал он ее иначе, – ответил герцог и встал. – Зови моего егеря. Отправляемся на охоту. И ты с нами.

– Но милорд, я не умею ездить верхом!

Впервые за утро герцог улыбнулся.

– Точно! Дадим тебе лошадь, на которой невозможно ездить. Ха. Ха.

Он посмотрел на свои повязки. «А потом пошлю за оружейником. Пусть даст мне напильник».

* * *

Прошел год. Дни терпеливо сменяли друг друга. По правде говоря, в самом начале мультиселенной они пытались протиснуться все разом, но ничего не получалось.

Томджон сидел под шатким столом Хьюэла и наблюдал, как отец расхаживает туда-сюда между фургонами, размахивает рукой и что-то говорит. Витоллер всегда вторил речи жестами – завяжите руку ему за спину, и бедняга тут же онемевает.

– Ладно, – рассуждал он, – как насчет «Невесты короля»?

– Уже играли, в прошлом году, – раздался голос Хьюэла.

– Хорошо. Тогда покажем им «Малло, тирана Клатча», – решил Витоллер. Его гортань тут же перестроилась, и голос превратился в рокот, что мог сотрясать стекла на другой стороне городской площади. – В крови же к вам явился я и по праву крови, никому не одолеть эти стены крови...

– И его играли, в позапрошлом, – спокойно сообщил Хьюэл. – Да и все равно люди наелись королями досыта. Им подавай что-нибудь веселое.

– *Моими* королями они еще не наелись, – заявил Витоллер. – Дорогой мой, люди приходят в театр не за смехом, они приходят за Опытом, Уроком, Чудом...

– Как раз таки за смехом, – бесцветным голосом возразил Хьюэл. – Взгляни.

Раздался шелест бумаги, а потом скрип прутьев, когда Витоллер присел на бутафорскую корзину.

– «Сыновья-волшебники, или Развлеки себя сам», – прочел импресарио.

Хьюэл вытянул ноги под столом, наткнулся на Томджона и за ухо вытащил мальчишку из укрытия.

– Что это? – переспросил Витоллер. – Колдуны? Демоны? Бесы? Торговцы?

– Лично мне больше всего нравится четвертая сцена второго акта, – сообщил Хьюэл, отправляя Томджона к коробкам с реквизитом. – Где комик моет посуду вместе с двумя служанками.

– А какие-нибудь сцены смерти есть? – с надеждой спросил Витоллер.

– Не-ет. Но могу прочесть юмористический монолог из третьего акта.

– Юмористический монолог!

– Ладно, там в последнем акте можно вставить что-нибудь серьезное, – поспешно прибавил Хьюэл. – Сегодня набросаю, без проблем.

– И непременно сделай, чтобы кто-нибудь кого-нибудь заколол, – велел импресарио, поднимаясь на ноги. – Подлое убийство всегда идет на ура.

И ушел, чтобы поторопить рабочих с установкой сцены.

Хьюэл вздохнул и взялся за перо. Где-то за холщовыми стенами скрывался городок Вислопес, что невероятным образом примостился на почти отвесных стенах каньона. В Овцепиках имелось предостаточно плоскостей. Вот только почти все они были вертикальными.

Хьюэлу Овцепики не нравились – что странно, ведь гномы жили здесь испокон века, а сам он как раз и относился к этому народу. Но беднягу давным-давно изгнали – за клаустрофобию, а пуще того за тягу мечтать наяву. Местный король гномов решил, что такое свойство не подходит работнику, чья обязанность не только замахиваться киркой, но и не забывать ею бить. Поэтому сородичи снабдили Хьюэла весьма скудным мешочком золота, наилучшими пожеланиями и твердой рукой спровадили куда подальше.

По воле судьбы в тех краях как раз выступала бродячая труппа Витоллера, и гном выкроил один медяк, чтобы посмотреть «Дракона равнин». Все представление он просидел с каменным лицом, ушел к себе, а наутро постучал в дверь фургона импресарию, держа первую версию «Короля под горой». Пьеса вышла не очень, но Витоллеру хватило прозорливости разглядеть в лохматой башке незнакомца незаурядный запас воображения, поэтому, когда труппа вновь снялась с места, одному из артистов пришлось бежать, чтобы поспевать за остальными...

Частицы чистого вдохновения без усталости летают по вселенной. Время от времени одна из них поражает восприимчивый ум, который затем открывает цепочку ДНК, или пишет сонату для флейты, или изобретает способ заставить лампочки изнашиваться в два раза быстрее. Но это редкость, в основном такие частицы пропадают впустую. Большинство людей проживают свои жизни, так ни разу и не ощутив прилив вдохновения.

Некоторым приходится еще тяжелее. На них вдохновение обрушивается всей своей массой.

Одним из таких неудачников и был Хьюэл. В его небольшом крепком черепе, созданном эволюцией с расчетом разве что на устойчивость к ударам топора, курсировало столько воображения, что хватило бы на полную историю театрального искусства.

Он облизнул кончик пера и застенчиво оглянулся. Никто не обращал на него внимания. Гном осторожно поднял «Волшебников» и выудил другую пачку бумаги.

Еще одна халтурка. Каждая страница была буквально полита потом, а слова расплзались по рукописи в обрамлении клякс, вычерков и убористых примечаний. Хьюэл минуту смотрел на них, провалившись в мир, где была только следующая пустая страница и сотни голосов, что кричали в голове, наполняли сны.

А затем принялся писать.

Избавившись от строгого надзора гнома, Томдзон откинул крышку коробки с реквизитом и с природной методичностью ребенка начал перебирать короны.

Высунув язык от усердия, Хьюэл строчил и строчил; его перо летало над испещренной чернилами бумагой. Он нашел место и для судьбоносной любви, и для комических могильщиков, и для короля-горбуна. Вот только коты и роликовые коньки пока не удавалось пристроить...

Уловив какой-то звук, гном поднял голову.

– Уймись, парень, – сказал он. – Да она у тебя на ушах висит. Положи на место.

* * *

Диск плавно вкатился в зиму.

Зима в Овцепиках – это совсем не волшебный заснеженный мир, где каждая веточка словно облита застывшим сахаром. Зима в Овцепиках на подобное не разменивалась; то были врата прямиком в первозданный холод, что существовал еще до сотворения мира. Зима в Овцепиках – это несколько ярдов снега, когда деревья становятся просто неясными зеленоватыми фигурами, закутанными в сугробы. Зима означает ленивый ветер, что не трудится огибать

людей, а дует прямым через них. Население Овцепиков в принципе не расценивало зиму как нечто приятное, зато у них имелось аж восемнадцать разных слов для обозначения снега⁵.

Голодный и несчастный призрак короля Веренса бродил по крепостным стенам, вглядываясь в любимые леса и ждал, когда же ему улыбнется удача.

То была зима предзнаменований. Ночью по холодному небу проносились кометы. Днем над землей плыли облака, сильно смахивающие на китов и драконов. В Захребетье кошка родила двуглавого котенка, но раз уж Грибо, благодаря своим неустанным трудам, являлся отцом практически всех котят на протяжении последних тридцати поколений, вероятно, на этом не стоило заострять внимание.

Тем не менее в Дурном Заду петух снес яйцо и был вынужден отвечать на некоторые весьма неловкие личные вопросы. В Ланкре мужик клялся, мол, другой мужик ему рассказывал, что своими глазами видел, как дерево снялось с места и пошло погулять. Потом выпал град из креветок. В небе мелькали странные огни. Гуси ходили задом наперед. А над всем этим сияли огромные полотнища холодного огня, называемые *Aurora Coriolis*, «центральное сияние», чьи ледяные искры озаряли и расцвечивали полные снега.

Впрочем, все это было вполне в духе Овцепиков. Уж коли они лежали поперек вертикального магического потока Диска, словно брошенный на рельсы железный брусок, то насыщались магией так, что им приходилось регулярно разряжаться в окружающее пространство. Люди просыпались посреди ночи, бормотали: «А, еще одно чертово предзнаменование» – и проваливались обратно в сон.

Пришла Ночь Всех Пустых, отмечая начало следующего года. И, с пугающей неожиданностью, ничего не произошло.

Облака рассеялись, снег был глубоким и хрустел, точно ледяной сахар.

Замерзший лес молчал и пах жестью. С небес не падало ничего, кроме редких свежих порций снега.

Странник мог пройти все болота от Захребетья до Ланкра и не увидеть ни единого блуждающего огонька, безголовой собаки, бродячего дерева, призрачного возницы или кометы. Разумеется, после такого шока бедняге приходилось заходить в таверну и пропускать стаканчик ради успокоения нервов.

Стоицизм овцепикцев, выкованный годами сопротивления магическому хаосу, оказался бессилем пред лицом столь внезапной перемены. Это как шум, который замечаешь, только когда он прекратится.

Матушка Ветровоск тоже почуяла странность, лежа под грудой стеганых одеял в своей промерзшей спальне. Ночь Всех Пустых была единственным праздником в долгом году на Диске, когда ведьмы традиционно оставались дома. Матушка рано отправилась на боковую в компании мешка яблок и каменной грелки. Но что-то пробудило ее от дремы.

Обычный человек уже на цыпочках спускался бы вниз, предположительно вооружившись кочергой. Матушка же просто обхватила колени и отпустила свой разум на волю.

Нет, дело не в доме. Она чувствовала маленькие, быстрые мысли мышей и размытые сознания коз, что мирно выпускали газы в пристройке. Острый ум парящей над крышами охотящейся совы отличался от них резкостью и настороженностью.

Госпожа Ветровоск сосредоточилась сильнее и уловила насекомых в кровле и дровоточца в балке. Ничего примечательного.

Она сжалась и позволила себе углубиться в лес. Тот молчал; лишь изредка тишину нарушал приглушенный звук сползшего с веток снежного пласта. Даже посреди зимы лес был полон жизни: она дремала в норах или замирала среди деревьев.

⁵ К сожалению, все непечатные.

Все как обычно. Матушка потянулась дальше, к дальним болотам и тайным тропам, где волки безмолвными тенями бегали по замерзшей снежной корке. Их разумы были остры, как ножи. Еще дальше... но на снежных полях не обнаружилось никого, кроме дурностаев⁶.

Все было как надо – вот только в корне неправильно. В лесу что-то таилось – что-то живое, одновременно юное и древнее и...

Матушка покрутила ощущение в голове. Да. Точно. Что-то несчастное. Потерянное. И...

С чувствами никогда не бывает просто, матушка это знала. Сними верхний слой – и обнаружишь под ним...

Что-то, что если вскоре не избавится от ощущения тоски и потери, то весьма *рассердится*.

И матушка Ветровоск все равно не могла точно определить его местонахождение. Она чувствовала крошечные умы куколок под покрытым инеем перегноем. Чувствовала земляных червей, что спустились ниже уровня промерзания почвы. Даже нашла несколько людей, а это сложнее всего: людские разумы вечно прогоняют через себя столько мыслей разом, что их локализовывать – словно пытаться туман к стенке прибить.

Здесь ничего. Здесь тоже. Ощущение будто было везде и нигде конкретно. Матушка дошла до предела, до самых крохотных существ королевства, и ничего не нашла.

Госпожа Ветровоск села в кровати, зажгла свечу, потянулась за яблоком и воззрилась на стену.

Ей не нравилось проигрывать. Там что-то было, оно впитывало магию, росло, наполнилось жизнью, окутывало своим присутствием домик – а матушка не могла его найти.

⁶ Дурностаи – это небольшой черно-белый пушной зверек, широко известный благодаря своей шкурке. Их можно назвать более осторожными родичами леммингов; дурностаи бросаются вниз только с небольших камней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.